

Анна
Гавальда

Ensemble, c'est tout

Anna Gavalda

Просто вместе

Анна Гавальда
Просто вместе

«АСТ»

Гавальда А.

Просто вместе / А. Гавальда — «АСТ»,

Анна Гавальда – одна из самых читаемых авторов мира. Ее называют «звездой французской словесности», «новой Франсуазой Саган», «нежным Уэльбеком», «литературным феноменом» и «главной французской сенсацией». Ее книги, покорившие миллионы читателей, переводятся на десятки языков, отмечены целым созвездием премий, по ним ставят спектакли и снимают фильмы. Роман «Просто вместе» – это мудрая и светлая книга о любви и одиночестве, о жизни, о счастье. Эта удивительная история, простыми словами рассказывающая о главном, легла в основу одноименного фильма Клода Берри с Одри Тоту в главной роли (2007).

© Гавальда А.

© АСТ

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Гавальда

Просто вместе

Посвящается Мюгетте (1919–2003), невостробованной покойнице.

Часть первая

1

Полетта Лестафье вовсе не выжила из ума, как полагали окружающие. И уж конечно, различала дни недели – а что еще ей оставалось делать в этой жизни? Считать дни, ждать, когда один день сменит другой, и тут же забывать об ушедшем. Она прекрасно знала, что сегодня среда. И была совершенно готова к выходу! Надела пальто, взяла корзинку, собрала все скидочные купоны. Она даже успела услышать, как к дому подъезжает машина Ивонны... Но ее кот крутился у двери и просил есть, она наклонилась поставить на пол миску и упала, ударившись головой о порог.

Полетта Лестафье падала часто, но это был ее секрет. О нем никому нельзя было рассказывать.

«Никому, слышишь?! – мысленно пригрозила она себе. – Ни Ивонне, ни врачу, ни – уж тем более! – мальчику...»

Нужно было медленно подняться, дождаться, когда предметы обретут нормальные очертания, натереться синтолом и замазать проклятые синяки.

Синяки Полетты никогда не бывали синими. Они были желтыми, зелеными или лиловыми и очень долго не сходили с ее тела. Слишком долго. Иногда по несколько месяцев... Их было трудно скрывать. Окружающие часто спрашивали, почему она всегда одета как в разгар зимы – в чулках и теплом жакете с длинными рукавами.

Чаще других приставал с расспросами внук:

– Бабуля, ну что за дела? Давай, разоблачайся, сними ты с себя все это тряпье, помрешь от теплового удара!

Нет, Полетта Лестафье вовсе не была безумной старухой. Она знала, что огромные синяки однажды доставят ей кучу неприятностей...

Она знала, как заканчивают свои дни бесполезные старухи вроде нее. Те, что позволяют пырею заполнить весь огород, и держатся за мебель, чтобы не упасть. Старые перечницы, не способные вдеть нитку в иголку, позабывшие, как включить радио погромче. Божьи одуванчики, которые, сидя перед телевизором, тыкают подряд во все кнопки пульта и в конце концов выключают его, плача от бессилия. Плачут крошечными горькими слезинками. И сидят перед темным экраном, закрыв лицо руками.

Так что же, все кончено? В этом доме больше не будет никаких звуков? Никаких голосов? Никогда? Только из-за того, что ты забыла цвет кнопки? Ведь твой мальчик обклеил тебе пульт цветными бумажками! Одну – для переключения каналов, другую – для громкости и третью – для включения/выключения! Ну же, Полетта! Кончай реветь и взгляни на бумажки!

Прекратите на меня кричать... Они давно отлетели, эти бумажонки... Почти сразу и отклеились... Уже много месяцев я все пытаюсь нащупать эти кнопки, ничего больше не слышу – только вижу картинки и различаю какое-то смутное бормотание...

Не кричите же так, я совсем оглохну...

2

– Полетта! Полетта, вы дома?

Ивонна злилась. Ей было холодно, она куталась в шаль и чертыхалась сквозь зубы. Ей не улыбалась мысль опоздать на рынок.

Только не это.

Она вернулась к машине, с тяжелым вздохом выключила зажигание и взяла с сиденья шляпку.

Старуха Полетта, должно быть, ушла в дальний конец сада. Она все свое время проводила там. Сидела на лавочке рядом с пустым крольчатником. Просиживала там часами, возможно, с самого утра и до позднего вечера, прямая, неподвижная, покорная, сложив руки на коленях и глядя перед собой отсутствующим взглядом.

Старуха Полетта разговаривала сама с собой, обращалась к мертвым, молилась за живых.

Она беседовала с цветами, с кустами салата, с синичками и с собственной тенью. Старуха Полетта теряла голову и забывала, какой сегодня день недели. А ведь сегодня среда, а среда – это день покупок. Уже больше десяти лет Ивонна заезжала за ней в этот день каждую неделю. Вздыхая, она подняла щеколду на садовой калитке: «Разве же это не ужасно...»

Разве же это не ужасно – стареть, да еще в полном одиночестве? Вечно опаздывать в супермаркет, не находить у кассы пустой тележки?»

Полетты в саду не оказалось.

Ивонна забеспокоилась. Она обошла дом и, сощурившись, заглянула в окно, пытаясь понять, в чем дело.

«Иисус милосердный!» – воскликнула она, заметив лежащую в кухне на кафельном полу подругу.

Разволновавшись, женщина наспех перекрестилась, прошептала слова молитвы, перепутав Бога Сына со Святым Духом, выругалась и отправилась в сарайчик за инструментом. Она разбила стекло садовой сапкой и героическим усилием подтянулась к оконной раме.

Ивонна проковыляла через комнату, опустилась на колени и приподняла голову старой дамы из розоватой молочно-красной лужицы.

– Эй, Полетта! Вы что, умерли? Умерли, да?

Кот с урчанием вылизывал пол – ему были глубоко безразличны и случившаяся драма, и приличия, и даже осколки стекла на полу.

3

Ивонну попросили подняться в машину скорой помощи, хотя она к этому вовсе не стремилась. Но надо было уладить формальности и оговорить условия госпитализации.

– Вы знаете эту женщину?

– Еще бы мне ее не знать! – возмутилась Ивонна. – Мы вместе ходили в коммунальную школу!

– Вы должны поехать с нами.

– А как же моя машина?

– Да не улетит она, ваша машина! Мы вас живо доставим обратно.

– Хорошо... – сдалась она. – Съезжу за покупками позже...

Внутри было ужасно неудобно. Она с трудом втиснулась на крохотную табуретку рядом с носилками и сидела, сжимая сумочку и стараясь не потерять равновесия при каждом повороте.

Вместе с ней ехал санитар, молодой парень. Он чертыхался, потому что никак не мог попасть больной в вену, и Ивонне это не понравилось:

– Не выражайтесь так, – бормотала она, – не выражайтесь... Что это вы с ней делаете?

– Пытаюсь поставить капельницу.

– Что поставить?

По взгляду молодого человека она поняла, что лучше ей попридержать язык, и стала причитать себе под нос: «Вы только посмотрите, как он с ней обращается, да он ей всю руку исколол, нет, вы только посмотрите... Какое безобразие... Не могу больше смотреть... О пресвятая Дева Мария, заступись за нее... Эй! Вы же делаете ей больно!»

Он стоял рядом и подкручивал колесико на трубке, регулируя интенсивность тока. Ивонна считала капли и молилась, путаясь в словах. Вой сирены мешал ей сосредоточиться...

Она положила руку Полетты себе на колени и машинально тербила ее, словно подол юбки. Страх и тоска мешали ей быть поласковее...

Ивонна Кармино вздыхала, разглядывая морщины, мозоли, темные пятна и огрубевшие, грязные, в трещинах, ногти на руке Полетты. Она положила рядом свою руку и принялась сравнивать. Ну да, она моложе и не такая тощая, но главное – жизнь ее сложилась по-другому. Работала не так тяжело, видела больше любви и нежности... Уже очень давно она негнула спину в саду. Муж все еще валял дурака с картошкой, но все остальное они с превеликим удовольствием покупали в супермаркете, во всяком случае, овощи там чистые и не приходится обдирать латук до самой сердцевины из-за слизняков... У нее была семья: Жильбер, Натали, любимые внуки... А что имела в сухом остатке Полетта? Ничего. Ничего хорошего. Покойный муж, дочь-потаскуха и внук, который вообще перестал ее навещать. Одни только заботы и воспоминания – сплошные огорчения и невзгоды...

Ивонна Кармино пребывала в задумчивости: что за жизнь была у Полетты? Такая жалкая. И неблагодарная. А ведь Полетта... Она была такой красивой в молодости! А какой доброй! Как сияла ее улыбка... И что же? Куда все это подевалось?

В этот момент губы старой дамы зашевелились, и Ивонна тут же выбросила из головы все эти глупые философствования.

– Полетта, это Ивонна. Все хорошо, душечка... Я приехала, чтобы забрать вас, и...

– Я умерла? Это наконец случилось? – прошептала она.

– Конечно, нет, милая моя! Конечно, нет! Вовсе вы не умерли, еще чего!

– А... – прошептала Полетта, закрывая глаза. – Ах...

Это ее «ах» было просто ужасным. Короткое «ах» – и столько разочарования, отчаяния и уже смирения.

Ах, я не умерла... Ах так... Ах, тем хуже... Ах, простите меня...

У Ивонны было другое мнение:

– Ну же, Полетта, мужайтесь! Нужно жить! Все-таки нужно жить!

Старая женщина едва заметно осторожно повела головой справа налево. В знак печального, но явного сожаления. В знак несогласия.

Возможно, впервые...

И наступила тишина. Ивонна не знала, что ей сказать. Она высморкалась и с нежным участием вновь взяла руку.

– Они отправят меня в богадельню, так ведь?

Ивонна подпрыгнула.

– Боже, конечно, нет! Вовсе нет! Зачем вы так говорите? Они вас подлечат, только и всего! Через несколько дней будете дома!

– Нет. Я точно знаю, что нет...

– Вот еще новости! И почему, скажите на милость, дорогая моя девочка?

Санитар знаком попросил ее говорить потише.

– А как же мой кот?

– Я о нем позабочусь... Не беспокойтесь.

– А мой Франк?

– Мы позвоним ему и позовем его, сейчас же. Я возьму это на себя.

– Я не знаю его номер телефона. Я его потеряла...

– Я отыщу!

– Нет, не нужно его беспокоить... Он так много работает, вы же знаете...

– Да, Полетта, я знаю. Я оставлю ему сообщение. Знаете, как это сегодня заведено... У всех ребят есть сотовый телефон... Никакого беспокойства...

– Скажите ему, что... что я... что...

Она задыхалась.

Когда машина, одолев подъем, подъезжала к больнице, Полетта Лестафье прошептала со слезами: «Мой сад... Мой дом... Отвезите меня домой, пожалуйста...»

Ивонна и молодой санитар уже успели встать.

4

– Когда у вас были последние месячные?

Стоя за ширмой, Камилла выбивалась из сил, натягивая джинсы. Она вздохнула. Знала ведь, что врач задаст этот вопрос. Была просто уверена. Была к нему готова... Влезая на эти чертовы весы, заколола волосы тяжелой серебряной заколкой, сжала кулаки и вся подобралась. Она даже слегка подпрыгнула, надеясь подтолкнуть стрелку еще хоть чуточку вправо... Увы, все было тщетно, и сейчас ее начнут «прорабатывать»...

Она поняла это по тому, как хмурился доктор, пальпируя ее живот. Все вызывало у него неудовольствие – выступающие ребра и кости таза, нелепая крошечная грудь и тощие ляжки.

Она спокойно застегнула ремень, зная, что ей ничего не грозит: она ведь не в колледже, это обычный профилактический осмотр, сейчас весь этот треп закончится и она уйдет.

– Итак?

Она сидела напротив него и улыбалась.

Это было ее секретное оружие, ее фирменный прием. Улыбнуться неудобному собеседнику, чтобы сменить тему разговора, – никто пока не придумал способа действеннее. На ее беду, доктор играл по тем же правилам. Он поставил локти на стол, сцепил пальцы и обезоружил

живающе улыбнулся. Видимо, он все же заставит ее ответить. Ей следовало это предвидеть: доктор был симпатичный, и она невольно закрыла глаза, когда он положил ей руки на живот...

– Ну и?.. Только без вранья, договорились? Иначе лучше вообще ничего не отвечайте.

– Давно...

– Естественно, – скривился он, – естественно... Уму непостижимо – сорок восемь килограммов при росте метр семьдесят три! Если так пойдет и дальше, вас скоро можно будет вдеть в ушко, как нитку...

– Какое ушко? – спросила она, изображая святую наивность.

– Игольное, конечно.

– Ах игольное? Извините, никогда не слышала этого выражения...

Он собирался что-то сказать, но передумал, взял рецептурный бланк, вздохнул и посмотрел ей в глаза:

– Вы совсем ничего не едите?

– Конечно, ем!

Внезапно на нее навалилась страшная усталость. Ей до смерти, до посинения надоели разговоры на тему «Сколько весит Камилла?». Двадцать семь лет ее этим достают. Всегда одно и то же. Черт бы вас всех побрал – я жива! Жива и здорова! Я могу быть веселой и грустной, храброй, ранимой и странной, как все остальные девушки на свете. Я вовсе не бесплотна!

Боже, неужели нельзя хоть сегодня поговорить на другую тему?

– Вы ведь со мной согласны? Сорок восемь килограммов – это явно маловато...

– Да... – она сдалась. – Согласна... Я давно так не худела... Я...

– Что – вы?

– Нет, ничего.

– Да говорите же.

– Я... Мне случилось выглядеть получше...

Он молчал.

– Вы дадите мне справку?

– Да, да, конечно, – раздраженно ответил врач. – Таак... Как называется фирма?

– Какая?

– Та, где мы сейчас находимся, ваша фирма...

– Touclean.

– Простите?

– Touclean.

– Тэ заглавное у-к-л-и-н, – повторил он по буквам.

– Нет, к-л-е-а-н, – поправила Камилла. – Согласна, это не слишком логично, Touprogre¹ было бы лучше, но вы же знаете, как у нас любят все американизировать... Звучит более профессионально, более... *wondeurfoule drim tim*²...

Он по-прежнему не врубался.

– Чем все-таки она занимается?

– Кто?

– Эта ваша фирма.

---

¹ Игра слов: «touclean» образовано от французского tout (весь, совершенно) и английского clean (чистый), «touprougre» – «совершенно чистый» по-французски.

² Искаженное wonderful dream team – изумительная чудо-команда (англ.).

Она откинулась на спинку стула, вытянула перед собой руки и голосом бортпроводницы с самым серьезным видом принялась перечислять свои служебные обязанности:

– Touclean, дамы и господа, позаботится о том, чтобы вас всегда окружала чистота. Квартиры, офисы, бюро, кабинеты, агентства, больницы, жилые и нежилые помещения – Touclean к вашим услугам. Touclean убирает, Touclean чистит, Touclean подметает, Touclean пылесосит, Touclean натирает, Touclean дезинфицирует, Touclean наводит блеск, Touclean украшает, Touclean оздоравливает, Touclean дезодорирует. Часы работы по вашему выбору. Гибкий график. Конфиденциальность. Тщательность. Разумные расценки. Touclean – профессионалы к вашим услугам!

Она выдала этот замечательный монолог на одном дыхании, совершенно ошеломив своего молодого французского доктора.

– Это шутка?

– Конечно, нет. Вы увидите всю нашу dream team³, она ждет за дверью...

– Так чем вы занимаетесь?

– Я вам только что объяснила.

– Да, но вы... Вы!

– Я? Ну, я убираю, чищу, подметаю, пылесосу, натираю... Далее по списку...

– Вы – убор...

– Предпочитаю слово «техничка»...

Он не знал, что и подумать.

– Почему вы этим занимаетесь?

Она удивленно на него воззрилась.

– Я хотел спросить: почему именно «этим»? Этим, а не чем-нибудь другим?

– А почему не этим?

– А вам бы не хотелось заниматься чем-то более... э-э-э...

– Интересным?

– Да.

– Нет.

Он разинул рот и застыл с ручкой в руке, потом взглянул на дату на циферблате своих часов и спросил ее, не поднимая глаз:

– Фамилия?

– Фок.

– Имя?

– Камилла.

– Дата рождения?

– 17 февраля 1977 года.

– Держите, мадемуазель Фок, вот ваше разрешение...

– Замечательно. Сколько я вам должна?

– Ничего, это... платит Touclean.

– Ах Touclean! – повторила она, поднимаясь и сделав широкий жест рукой. – Итак, я снова могу драить сортиры, какое счастье!

Врач проводил ее до двери.

---

³ Команда мечты (англ.).

Он больше не улыбался, снова «надев» на лицо маску добросовестного благодетеля человечества.

Он сказал, протягивая ей на прощанье руку:

– И все-таки... Хотя бы несколько килограммов... Только чтобы доставить мне удовольствие...

Она покачала головой. Такие штучки с ней больше не проходили. Шантаж и участие – этого добра она нахлебалась вдоволь.

– Посмотрим, что можно сделать, – сказала она. – Посмотрим...

Следующей в кабинет вошла Самия.

Она спустилась по ступенькам медицинского трейлера, ощупывая карманы куртки в поисках сигареты. Толстуха Мамаду и Карина сидели на лавочке, обсуждая прохожих, и ворчали – им не терпелось вернуться домой.

– Ну, и чего это ты там так долго делала? – с насмешкой спросила Мамаду. – У меня, между прочим, электричка! Он что, порчу на тебя наводил?

Камилла уселась прямо на землю и улыбнулась ей. Не так, как врачу. Прозрачной, честной улыбкой. Со своей Мамаду она в игры не играла – та была ей не по зубам...

– Он как, ничего? – спросила Карина, выплевывая откушенный ноготь.

– Просто супер.

– Так я и знала! – обрадовалась Мамаду. – Говорила же я вам с Сильви – она там стояла го-ля-ком!

– Он загонит тебя на весы...

– Кого? Меня? – закричала Мамаду. – Меня? Он думает, я полезу на его весы?!

И Мамаду, весившая никак не меньше ста килограммов, звучно шлепнула себя по ляжкам.

– Да ни за что на свете! Не то я и прибор сломаю, и парня заодно придавлю! А что еще он там делает?

– Уколы, – сообщила Карина.

– Что еще за уколы?

– Да нет, я пошутила, – успокоила ее Камила, – он всего лишь послушает твое сердце и легкие...

– Это ладно, это можно.

– И еще пощупает твой живот...

– Ага... щас! – взвилась Мамаду. – Пусть только попробует, и я его без каши съем...

Обожаю вкусеньких молоденьких белых докторов...

Она похлопала себя по животу и заговорила с акцентом:

– Холесенькая жратва... Ням-ням... Духи предков советовали готовить докторишек с маниоковой мукой и куриными гребешками... Ммм...

– А что он сделает с Бредаршей?

Бредарша, она же Жози Бредар, была хитрой шлюхой, подлой предательницей, гадиной и мишенью для насмешек. Помимо всего прочего она на минуточку была их начальницей. Их «шефом по персоналу», как черным по белому было написано на ее бляхе. Бредарша портила им жизнь, и, хотя особой изобретательностью не отличалась, это их утомляло...

– С ней ничего. Нюхнет, как от нее воняет, и тут же велит одеваться.

Карина не преувеличивала. В дополнение ко всем вышеперечисленным «достоинствам» Жози Бредар еще и ужасно потела.

Когда подошла очередь Карины, Мамаду достала из корзинки пачку бумаг и плюхнула их на колени Камилле. Она ведь пообещала, что попытается разобраться во всей этой фигне.

– Что это?

– Прислали из налоговой инспекции...

– Постой, а что это за имена?

– Да это же моя семья!

– Какая семья?

– Какая семья, какая семья?! Моя, конечно! Подумай своей головой, Камилла!

– Все эти люди – твоя семья?

– Все! – Мамаду гордо кивнула.

– Черт, сколько же у тебя детей?

– У меня пятеро, у брата четверо...

– Но почему они все вписаны сюда?

– Куда сюда?

– Э... В бумагу.

– А так удобней: брат и невестка живут у нас, почтовый ящик один, вот и...

– Так нельзя... Они пишут, что у тебя не может быть девятерых детей...

– Почему это не может? – возмутилась Мамаду. – У моей матери было двенадцать!

– Подожди, не кипятись, Мамаду, я просто читаю, что здесь написано. Они просят тебя прояснить ситуацию и явиться к ним, захватив документы.

– Это еще зачем?

– Думаю, то, что ты делаешь... это незаконно. Вы с братом не имеете права записывать всех детей в одну декларацию...

– Да ведь у брата-то ничего нет!

– Он работает?

– Конечно, работает! Метет дороги!

– А твоя невестка?

Мамаду наморщила нос.

– А вот она ни хрена не делает! Ни-че-го-шень-ки. Эта ведьма сиднем сидит дома и ни за что на свете не оторвет от стула свою жирную задницу!

Камилла улыбнулась про себя: она с трудом могла вообразить, что такое, в понимании Мамаду, «жирная задница»...

– У брата с женой есть документы?

– Ну да!

– Значит, они могут подать отдельную декларацию...

– Но невестка не хочет идти в инспекцию, брат ночью работает, а днем спит, так что сама понимаешь...

– Я-то понимаю. Скажи, на скольких детей ты сейчас получаешь пособие?

– На четверых.

– На четверых?

– Так я о том и говорю, но ты как все белые – всегда права и никогда не слушаешь!

Камилла нервно присвистнула.

– Проблема в том, что они забыли Сисси...

– При чем здесь твои сиси?

– Какие сиси, идиотка! – Толстуха кипела от негодования. – Это моя младшая дочка!

Малышка Сисси...

– Ага! Сисси!

- Да.
- А почему ее нет в декларации?
- Слушай, Камилла, ты нарочно или как? Именно об этом я тебя и спрашиваю! Камилла не нашлась что ответить...
- Правильнее всего будет тебе, брату или невестке отправиться в инспекцию со всеми документами и на месте объяснить с тамошней теткой...
- Что еще за «тетка»? С какой такой теткой?
- Да с любой! – взорвалась Камилла.
- Ладно, хорошо, чего ты злишься? Я так спросила, потому что подумала, может, ты ее знаешь...
- Никого я не знаю, Мамаду. Я там никогда не была, понимаешь?

Камилла вернула Мамаду ее «макулатуру» – она притащила даже рекламные проспекты, фотографии машин и счета за телефон.

Та в ответ пробурчала себе под нос: «Сама говорит „тетка“, вот я и спрашиваю, какая тетка, понятно ведь, что бывают и дядьки, она, видишь ли, отродясь там не была, тогда откуда ей знать, что там одни тетки? Там и дядьки тоже есть... Кем она себя возомнила – Мадам Всезнайкой, что ли?»

- Эй, ты что, обиделась?
  - Ничего я не обиделась. Сама сказала: помогу, а не помогаешь. Вот и все!
  - Я пойду с вами.
  - В инспекцию?
  - Да.
  - И поговоришь с теткой?
  - Да.
  - А если это будет не тетка?
- Камилла поняла, что сейчас не выдержит, но тут вышла Самия.
- Твоя очередь, Мамаду... Держи... – Она повернулась к Камилле. – Номер телефона докторишки...
  - Зачем?
  - Зачем? Понятия не имею! Наверное, хочет с тобой в больницу поиграть! Вот и попросил передать номер...

Он черкнул номер своего сотового на рецептурном бланке и приписал: *Назначаю вам в качестве лекарства хороший уксус, позвоните мне.*

Камилла Фок скатала записку в шарик и щелчком выбросила его в канаву.

- Знаешь что, – произнесла Мамаду, тяжело поднимаясь со скамьи, и наставила на Камиллу указующий перст. – Если уладишь дело с моей Сисси, я попрошу брата наколдовать для тебя любимого...
  - Я думала, твой брат дорогами занимается.
  - Дорогами, приворотами и отворотами.
- Камилла подняла глаза к небу.
- А ко мне не может мужика приворожить? – вмешалась в разговор Самия.
- Мамаду прошла мимо, сделав угрожающий жест в сторону товарки.
- Сначала верни мое ведро, дьяволица, а там посмотрим!
  - Черт, достала ты меня этим ведром! Не твое оно, поняла?! У тебя было красное!
  - Проклятая врунья, – прошипела негритянка и удалилась...

Стоило Мамаду шагнуть на первую ступеньку, и грузовичок закачался. «Мужайся, дорогая! – мысленно пожелала Камилла, улыбнулась и взяла свою сумку. – Желаю тебе удачи...»

- Пошли?
- Сейчас.
- Поедешь с нами на метро?
- Нет, вернусь пешком.
- Ну ясно, ты-то живешь в шикарном квартале...
- И не говори...
- Ладно, до завтра...
- Пока, девочки.

Камилла была приглашена на ужин к Пьеру и Матильде. Она позвонила, чтобы отказаться, и почувствовала облегчение, попав на автоответчик.

Итак, невесомая Камилла Фок удалилась. Удерживали ее на асфальте только вес рюкзака за спиной да эти не поддающиеся объяснению камни и камешки, которые все накапливались у нее внутри. Вот о чем ей следовало поговорить с врачом. Если бы только возникло такое желание... А может, если бы хватило сил?.. Или времени... Ну конечно, все дело во времени, успокоила она себя, сама в это не веря. Время было тем самым понятием, которое она перестала воспринимать. Она на много недель и месяцев практически выпала из жизни, и ее давешняя тирада, абсурдный монолог, в котором она пламенно доказывала себе, что мужества ей не занимать, был наглым враньем.

Какой эпитет она употребила? «Живая»? Это просто смешно – живой Камилла Фок точно не была.

Камилла Фок была призраком – по ночам она работала, а днем копила камни. Двигалась медленно, говорила мало и умела замечательно ловко исчезать.

Камилла Фок была молодой женщиной, которую всегда видели только со спины, хрупкой и неуловимой.

Тогда, перед доктором, она разыграла спектакль и сделала это с легкостью. Камилла Фок лгала. Она обманывала, принуждала себя, подавляла и подавала реплики, только чтобы не привлекать к себе внимание.

Она все-таки думала о докторе... Плевать на номер телефона, но что если она упустила свой шанс? Он казался таким терпеливым и внимательным, в отличие от всех остальных... Может, ей следовало... В какой-то момент она чуть было... Она чувствовала себя такой усталой... Нужно было и ей положить локти на стол и рассказать ему правду. Сказать, что она теперь не ест – ну почти не ест, – потому что ее живот набит булжниками. Что каждое утро, едва открыв глаза, она уже боится задохнуться, подавившись гравием. Что окружающий мир больше не имеет для нее никакого значения и каждый новый день кажется ей неподъемным грузом. И она начинает плакать. Не потому, что ей грустно, а для того, чтобы справиться со всем этим. Слезы – это ведь жидкость, они помогают переварить каменную дрянь, и тогда она снова может дышать.

Услышал бы он? Понял бы? Конечно. Потому-то она и промолчала.

Она не хотела кончить как мать. Отказывалась говорить о своих нервах. Стоит только начать, и бог весть куда это может завести. Далеко, слишком далеко, в пропасть, во мрак. Туда, куда она боялась заглядывать.

Врать – это сколько угодно, но только не оборачиваться.

Она зашла во «Fraprix» в своем доме и заставила себя купить еду. Она сделала это в знак уважения к милому молодому врачу и в благодарность за смех Мамаду. Раскатистый смех этой женщины, дурацкая работа в Touclean, Бредарша, идиотские истории Карины, перебранки, перекуры, физическая усталость, их смех по поводу и без, их жалобы – все это помогало ей жить. Именно так – помогало жить.

Она несколько раз обошла магазин, прежде чем решилась наконец купить несколько бананов, четыре йогурта и две бутылки воды.

Она заметила парня из своего дома, высокого странного типа в очках, обмотанных лейкопластырем, и несурзных брюках, вел он себя странно, как инопланетянин. Он хватал что-нибудь с полки, тут же ставил обратно, снова хватал, качал головой и выскакивал из очереди перед самой кассой, чтобы вернуть товар на место. Однажды она видела, как он выскочил из магазина и тут же вернулся обратно, чтобы купить баночку майонеза, от которой отказался минутой раньше. Этот печальный клоун веселил окружающих, заикался в присутствии продавщиц и надрывал ей сердце.

Всякий раз когда они встречались на улице или во дворе, с ним обязательно что-нибудь происходило, что выбивало его из колеи. Вот и сейчас он стоял перед домофоном и тихо скулил.

– Что – то не так? – спросила она.

– Ах! Ох! Э-э-э! Извините! – Он в отчаянии заламывал руки. – Добрый вечер, мадемуазель, простите, что я... э-э... вам докучаю, я... Я ведь вам докучаю?

Это было просто ужасно. Камилла не знала, смеяться ей над этим человеком или пожалеть его. Болезненная застенчивость, витиеватая манера выражаться и размашистые жесты ужасно ее смущали.

– Нет-нет, все в порядке! Вы забыли код?

– Черт возьми, нет! Насколько мне известно... видите ли, я... я... я никогда не рассматривал проблему под таким углом... Боже мой, я...

– Возможно, код изменили?

– Вы думаете? – спросил он таким тоном, словно она сообщила ему, что близится конец света.

– Давайте проверим... Так... 342В7...

Замок щелкнул.

– Ох, как мне неловко... Я так смущен... Я... Но ведь я делал то же самое... Не понимаю...

– Все в порядке, – сказала она, толкая дверь.

Он резко взмахнул рукой, чтобы повернуть ее руки тоже дотянуться до двери, не попал и сильно ударил ее сзади по голове.

– Какой ужас! Надеюсь, вам не больно? Как я неловок, умоляю вас извинить меня... Я...

– Все в порядке, – в третий раз повторила она. Он не двинулся.

– Послушайте... – взмолилась она, – не могли бы вы убрать ногу, вы зажали мне щиколотку, ужасно больно...

Она засмеялась. На нервной почве.

Когда они оказались во внутреннем дворике, он ринулся вперед, к входной двери, чтобы распахнуть ее перед ней.

– Увы, мне не сюда... – Она сокрушенно покачала головой и махнула рукой в сторону.

– Вы живете во дворе?

– Вообще-то, нет... Скорее, под крышей.

– Вот как... Замечательно! – Он пытался освободить лямку сумки, обмотавшуюся вокруг латунной ручки. – Это... Это, должно быть, очень приятно...

– Ну... наверно... – Она поморщилась и стремительно пошла прочь. – Можно и так на это посмотреть...

– До свидания, мадемуазель, – крикнул он ей вслед, – и... поклонитесь от меня вашим родителям!

Ее родителям... Этот парень просто псих... Камилла вспомнила, что однажды ночью – она ведь обычно возвращалась домой среди ночи – встретила его во дворе в пижаме, охотничьих сапогах и с коробкой мясных котлет в руках. Он был совершенно не в себе и спросил, не видела ли она кошку. Камилла ответила, что кошку не встречала, и прошла с ним по двору в поисках злополучного животного.

– Как она выглядит, эта кошка? – поинтересовалась она.

– Увы, я не знаю...

– Как не знаете, это же ваша кошка?

Он застыл: «Что вы! Что вы! У меня никогда не было кошки!» Ей надоело с ним разговаривать, и она ушла, качая головой. Нет, увольте, этот тип кого хочешь доведет до психушки.

«Шикарный квартал...» – так выразилась Карина. Камилла вспоминала об этом, ступая на первую из ста семидесяти двух ступенек черной лестницы, которая вела на ее голубятню. Шикарный, ты права... Она жила на восьмом этаже роскошного дома, выходявшего на Марсово поле, и в этом смысле – о да! – место было шикарным: встав на табурет и наклонившись с опасностью для жизни, справа можно было увидеть верхушку Эйфелевой башни. Но во всем остальном, курочка моя, оно далеко от идеала...

Камилла цеплялась за перила, ее легкие хрипели и всхлипывали, она с трудом волокла за собой тяжеленные бутылки с водой. Она старалась не останавливаться. Никогда. Ни на одном этаже. Как-то ночью она остановилась – и застряла. Присела на пятом и заснула, уткнувшись головой в колени. Пробуждение было мучительным. Она промерзла до костей и несколько секунд не могла сообразить, где находится.

Опасаясь грозы, перед уходом она закрыла форточку и теперь с ужасом представляла, какое там пекло. Во время дождя ее конура протекала, летом там можно было задохнуться, а зимой – дать дуба от холода. Климатические условия Камилла знала как свои пять пальцев – она уже больше года жила в этой комнатенке, но никогда не жаловалась, потому что и этот курятник был для нее нечаянной радостью. Она до сих пор помнила смущенное лицо Пьера Кесслера в тот день, когда он открыл дверь этого чулана и протянул ей ключ.

Помещение было крошечное, грязное, заставленное и... ниспосланное Провидением.

К тому моменту когда он неделей раньше обнаружил ее, Камиллу Фок, у своей двери – голодную, растерянную и молчаливую, – она уже несколько ночей провела на улице.

В первый момент он испугался, заметив чью-то тень на площадке.

– Пьер...

– Кто здесь?

– Пьер... – простонал чей-то голос.

– Кто вы?

Он включил свет и испугался еще сильнее:

– Камилла? Это ты?

– Пьер, – произнесла она, всхлипывая и подталкивая к нему маленький чемоданчик, – сохраните его для меня... Это мои инструменты, и я боюсь, что их украдут... У меня все украдут... Все, все... Не хочу, чтобы они забрали его у меня, потому что... тогда я сдохну... Понимаете? Сдохну...

Он решил, что она бредит.

– Камилла! О чем ты говоришь? Откуда ты взялась? Да входи же!

За спиной Пьера возникла Матильда, и девушка без чувств упала на подстилку.

Они раздели и уложили Камиллу в дальней комнате. Пьер Кесслер сидел на стуле рядом с кроватью, с ужасом вглядываясь в ее лицо.

– Она спит?

– Кажется...

– Что произошло?

– Понятия не имею.

– Ты только посмотри, в каком она состоянии!

– Тесс...

Через сутки она проснулась среди ночи и начала потихоньку наполнять ванну, чтобы не разбудить Пьера и Матильду. Они не спали, но предпочли не смущать гостью. Камилла прожила у них несколько дней – они дали ей дубликат ключей и не задавали вопросов. Воистину, этого мужчину и эту женщину послало ей Небо.

Предлагая Камилле поселиться в маленькой комнатке для прислуги, которую Пьер сохранил за собой в доме родителей после их смерти, он достал из-под кровати ее маленький клетчатый чемоданчик.

– Забирай, – сказал он.

Камилла покачала головой.

– Предпочитаю оставить его здесь...

– И речи быть не может, – сухо отрезал он. – Ты возьмешь его с собой. У нас ему делать нечего!

Матильда отвезла ее в супермаркет и помогла выбрать лампу, матрас, постельное белье, несколько кастрюль, электроплитку и крошечный холодильник.

Прежде чем расстаться, она спросила:

– У тебя есть деньги?

– Да.

– Все будет в порядке, милая?

– Да, – повторила Камилла, сдерживая слезы.

– Не хочешь оставить себе наши ключи?

– Нет-нет, все будет хорошо, правда. Я... что могу сказать... ну что...

По ее лицу текли слезы.

– Не говори ничего.

– Ну хоть спасибо-то сказать можно?

– Да, – ответила Матильда, притянув ее к себе, – спасибо я приму с удовольствием.

Несколько дней спустя Кесслеры пришли ее проведать.

Они совершенно обессилели, поднявшись по лестнице, и рухнули на матрас.

Пьер смеялся, говорил, что это напоминает ему молодость, и напевал «Богему» Азнавура. Они пили шампанское из пластиковых стаканчиков, Матильда принесла целую сумку вкусностей. Слегка опьянев от шампанского и полные благожелательности, они приступили к расспросам. На некоторые вопросы она ответила, на другие – нет, а они приступили к расспросам. На некоторые вопросы она ответила, на другие – нет, а они не стали настаивать.

Матильда уже спустилась на несколько ступенек, когда Пьер обернулся и схватил Камиллу за руки:

– Нужно работать, Камилла... Теперь ты должна работать...

Она опустила глаза.

– Мне кажется, я много сделала за последнее время... Очень, очень много...

Пьер еще сильнее, до боли, сжал ее руки.

– Это была не работа, и ты это прекрасно знаешь!

Она подняла голову и выдержала его взгляд.

– Вы поэтому мне помогли? Чтобы иметь право сказать это?

– Нет.

Камилла дрожала.

– Нет, – повторил он, отпуская ее, – нет. Не говори глупостей. Ты прекрасно знаешь, что мы всегда относились к тебе как к дочери...

– Как к блудной дочери? Или как к вундеркинду?

Он улыбнулся и добавил:

– Работай. В любом случае у тебя нет выбора...

Она закрыла за ними дверь, убрала остатки ужина и нашла на дне сумки толстый каталог Sennelier. «Твой счет всегда открыт...» – гласила надпись на листочке. Она не смогла заставить себя пролистать книгу до конца и допила из горлышка остатки шампанского.

Она послушалась. Она работала.

Сегодня она вычищала чужое дерьмо, и это ее вполне устраивало.

Да, наверху можно было сдохнуть от жары... Накануне СуперДжози заявила им: «Не жалуйтесь, девочки, это последние хорошие денечки. Еще успеете наморозить задницы зимой! Так что нечего ныть!»

В кои веки раз она была права. Стоял конец сентября, дни стремительно укорачивались. Камилла подумала, что надо ей перестраиваться – ложиться пораньше и вставать после обеда, чтобы взглянуть на солнце. Она удивилась своим мыслям и включила автоответчик в почти беззаботном настроении.

«Это мама... Хотя... – голос зазвучал язвительно, – не уверена, что ты понимаешь, о ком речь... Мама, помнишь это слово? Его произносят хорошие дети, обращаясь к той, кто дала им жизнь... У тебя ведь есть мать, Камилла... Извини, что напоминаю о столь неприятном факте, но это третье сообщение, которое я оставляю тебе со вторника... Хотела узнать, обедаем ли мы вме...»

Камилла выключила автоответчик и поставила йогурт назад в холодильник. Села по-турецки на пол, дотянулась до мешочка с табаком и попыталась скрутить сигарету. Руки не слушались, пальцы дрожали, и ей потребовалось несколько попыток. Она до крови искусала губы, сконцентрировав все свое внимание на самокрутке. Это несправедливо. Ужасно несправедливо. Не стоит так расстраиваться из-за кусочка папиросной бумаги. Она провела почти нормальный день. Разговаривала, слушала, смеялась, даже пыталась включиться в общественную жизнь. Кокетничала с доктором, дала обещание Мамаду. Пустяк – и все-таки... Она давно не давала обещаний. Никогда. И никому. И вот несколько фраз из бездушной машины отбросили ее назад, приземлили, сломали и похоронили под грудой строительного мусора...

5

– Господин Лестафье!

– Да, шеф!
– К телефону...
– Нет, шеф!
– Что нет?
– Занят, шеф! Пусть перезвонят попозже...
Тот покачал головой и вернулся в свой кабинет, похожий на стенной шкаф.

– Лестафье!
– Да, шеф!
– Это ваша бабушка...
Вокруг захихикали.
– Скажите, что я перезвоню, – повторил разделявавший мясо Франк.
– Вы меня достали, Лестафье! Возьмите эту чертову трубку! Я вам не телефонистка!

Молодой человек вытер руки висевшей на поясе тряпкой, промокнул лоб рукавом и сказал работавшему рядом с ним парню, сделав в его сторону шутливо-угрожающий жест:

– Ни к чему не прикасайся, иначе... чик – и готово...
– Ладно, ладно, вали к телефону, расскажи бабушке, какие подарки хочешь получить под елочку...

– Отвянь, придурок...

Он зашел в кабинет и, вздохнув, взял трубку:

– Ба?

– Здравствуй, Франк... Это не бабушка, это Ивонна Кармино...

– Мадам Кармино?

– Боже, если бы ты знал, чего мне стоило тебя разыскать... Я позвонила в Grands Comptoirs, мне сказали, ты там больше не работаешь, тогда я...

– Что случилось? – он резко оборвал ее.

– О господи, Полетта...

– Подождите.

Он встал, закрыл дверь, вернулся к телефону, сел, покачал головой, побледнел, поискал на столе ручку, сказал еще несколько слов, повесил трубку. Снял колпак, обхватил голову руками, закрыл глаза и несколько минут сидел неподвижно. Шеф наблюдал за ним через застекленную дверь. Наконец Лестафье поднялся, сунул бумажку в карман и вышел.

– Все в порядке, мой мальчик?

– Все нормально, шеф...

– Ничего серьезного?

– Шейка бедра...

– А-а, со стариками это происходит сплошь и рядом... У моей матери перелом был десять лет назад – видели бы вы ее сегодня... Бегает, как кролик по полям!

– Послушайте, шеф...

– Думаю, ты хочешь попросить отгул...

– Нет, я останусь до обеда и накрою все к ужину во время перерыва, но потом хотел бы уйти...

– А кто займется горячим к вечерней подаче?

– Гийом. Парень справится...

– Точно?

– Да, шеф.

– Уверен?

– Абсолютно.

Шеф сделал кислое лицо, окликнул проходившего мимо официанта и велел ему сменить рубашку, повернулся к своему шеф-повару и вынес вердикт:

– Я не возражаю, Лестафье, но предупреждаю вас, если вечером хоть что-нибудь пойдет не так, если я хоть раз – один только раз! – замечу непорядок, отвечать будете вы, поняли? Согласны?

– Спасибо, шеф.

Он вернулся на свое рабочее место и взялся за нож.

– Лестафье! Идите и вымойте руки! Тут вам не провинция!

– Да пошел ты, – прошептал он в ответ, закрывая глаза. – Пошли вы все...

Он молча принялся за работу. Выждав несколько мгновений, его помощник осмелился подать голос:

– Все в порядке?

– Нет.

– Я слышал твой разговор с толстяком... Перелом шейки бедра, так?

– Угу.

– Это серьезно?

– Не думаю, проблема в том, что я совсем один...

– В каком смысле?

– Да во всех.

Гийом ничего не понял, но предпочел оставить товарища наедине с его заморочками.

– Раз ты слышал мой разговор со стариком, значит, все понял насчет вечера...

– Йес.

– Справишься?

– С тебя причитается...

Они продолжили работать молча: один колдовал над кроликом, другой возился с каре ягненка.

– Мой мотоцикл...

– Да?

– Я дам его тебе на воскресенье...

– Новый?

– Да.

– Ничего не скажешь, – присвистнул Гийом, – он и правда любит свою старушку... Идет.

Договорились.

Франк горько ухмыльнулся.

– Спасибо.

– Эй...

– Что?

– Куда отвезли твою бабушку?

– Она в больнице в Туре.

– Значит, в воскресенье Solex тебе понадобится?

– Я что-нибудь придумаю...

Голос шефа прервал их разговор:

– Потихе, господа! Что-то вы расшумелись!

Гийом подточил нож и прошептал, воспользовавшись стоявшим в помещении гомоном:

– Ладно... Возьму его, когда она поправится...

– Спасибо.

– Не благодари. Пока суть да дело, я займу твое место.

Франк Лестафье улыбнулся и покачал головой.

Больше он не произнес ни слова. Время тянулось невыносимо медленно, он едва мог сосредоточиться, огрызался на шефа, когда тот присылал заказы, старался не обжечься, чуть не погубил бифштекс и то и дело вполголоса ругался на самого себя. Он ясно осознавал, каким кошмаром будет его жизнь в ближайшие несколько недель. Думать о бабушке, навещать ее было ой как нелегко, когда она находилась в добром здравии, а уж теперь... Ну что за бардак... Только этого еще и не хватало... Он купил дорогуший мотоцикл, взяв кредит, который придется возвращать лет сто, не меньше, и нахватал дополнительной работы, чтобы выплачивать проценты. Ну вот что ему с ней делать? Хотя... Он не хотел себе в этом признаваться, но толстяк Тити уже отладил новый мотоцикл, и он сможет испытать его на шоссе...

Если все будет хорошо, он словит кайф и через час окажется на месте...

В перерыв он остался на кухне один, в компании с мойщиками посуды. Проверил продукты, пронумеровал куски мяса и написал длинную памятку Гийому. Времени заходить домой у него не было, он принял душ в раздевалке, захватил фланельку, чтобы протереть забрало шлема, и ушел в растрепанных чувствах.

Он был счастлив и вместе с тем озабочен.

6

Было почти шесть, когда он въехал на больничную стоянку.

Сестра в приемном отделении объявила, что время для посещений закончилось и ему придется приехать завтра, к десяти утра. Он стал настаивать, она не уступала.

Франк положил шлем и перчатки на стойку.

– Подождите, подождите... Вы не поняли... – Он говорил медленно, стараясь не взорваться. – Я приехал из Парижа и должен сегодня же вернуться, так что, если бы вы могли...

Появилась еще одна медсестра.

– Что здесь происходит?

Она показалась ему симпатичнее.

– Здравствуйтесь, э... извините за беспокойство, но я должен увидеть бабушку, ее вчера привезли на «скорой», и я...

– Как ее фамилия?

– Лестафье.

– Ах да... – Сделала знак коллеге. – Идемте со мной...

Она вкратце обрисовала ему ситуацию, сказала, как прошла операция, сообщила, что понадобится реабилитация, стала расспрашивать об образе жизни пациентки. Он плохо соображал – раздражал больничный запах, шумело в ушах, будто он все еще мчался на мотоцикле.

– А вот и ваш внук! – радостно сообщила его провозатая, открывая дверь. – Ну, видите? Я ведь говорила, что он приедет! Ладно, оставляю вас, но перед уходом зайдите в мой кабинет, иначе вас не выпустят...

Он даже не сообразил поблагодарить ее. То, что он увидел, разбило ему сердце.

Он отвернулся, пытаясь взять себя в руки. Потом снял куртку и свитер, поискал взглядом, куда бы их деть.

– Жарко здесь, да?

У нее был странный голос.

– Ну как ты?

Старая дама попыталась было улыбнуться, но закрыла глаза и расплакалась.

Они забрали у нее зубные протезы. Щеки совсем ввалились, и верхняя губа болталась где-то во рту.

– Так-так, мы снова влипли в историю... Ну ты даешь, бабуля!

Этот шутливый тон стоил ему нечеловеческих усилий.

– Я спрашивал сестру, она сказала, что операция прошла успешно. Теперь у тебя в ноге отличная железка...

– Они отправят меня в приют...

– Вовсе нет! Что ты выдумываешь? Пробудешь здесь несколько дней и поедешь в санаторий. Это не богадельня, а больница, только поменьше этой. Они будут тебя обхаживать, поставят на ноги, а потом – хоп! – наша Полетта снова в своем саду.

– Сколько дней я там пробуду?

– Несколько недель... А дальше все будет зависеть от тебя... Придется постараться...

– Ты будешь меня навещать?

– А ты как думаешь? Ну конечно, я приеду, у меня ведь теперь шикарный мотоцикл, помнишь?

– Но ты не гоняешь слишком быстро?

– Да что-о-о ты, ташусь, как черепаха...

– Врун...

Она улыбалась сквозь слезы.

– Завязывай, ба, так нечестно, а то я сейчас сам завою...

– Только не ты. Ты никогда не плачешь... Не плакал, когда был совсем маленьким, даже когда вывихнул руку, и то не ревел, я ни разу не видела, чтобы ты пролил хоть одну слезинку...

– Все равно, кончай.

Он не осмелился взять ее за руку из-за трубок.

– Франк...

– Я здесь, бабуля...

– Мне больно.

– Так и должно быть, это пройдет, ты лучше поспи.

– Мне очень больно.

– Я скажу сестре перед уходом, попрошу, чтобы тебе помогли...

– Ты уже уезжаешь?

– Что ты, и не думаю.

– Поговори со мной. Расскажи о себе...

– Сейчас, только свет погашу... Спит глаза...

Франк опустил штору, и выходявшая на восток комната внезапно погрузилась в мягкий полумрак. Он передвинул кресло поближе к здоровой руке Полетты и взял ее руку в свои.

Сначала Франк с трудом подбирал слова, он никогда не умел поддержать разговор, а уж тем более рассказать о себе. Начал с пустяков – сообщил, какая в Париже погода и что над городом висит смог, и перешел на цвет своего «Судзуки», потом на меню своего ресторана и продолжал все в том же духе.

День клонился к вечеру, лицо бабушки стало почти умиротворенным, и Франк решился на более откровенные признания. Он рассказал ей, из-за чего расстался с подружкой, и сообщил имя своей новой пассии, похвалился профессиональными успехами и пожаловался на усталость... Потом стал изображать своего нового соседа, и бабушка тихонько засмеялась.

– Ты преувеличиваешь...

– Клянусь, что нет! Сама увидишь, когда приедешь к нам в гости...

– Но я совсем не хочу ехать в Париж...

– Ладно, тогда мы сами к тебе заявимся, а ты накормишь нас вкусным обедом!

- Ты думаешь?
- Конечно. Испечешь картофельный пирог...
- Только не это. Выйдет слишком по-деревенски...

Потом он рассказал ей об обстановке в ресторане и как орет иногда шеф, о том, как однажды к ним на кухню заявился с благодарностью министр, и о молодом Такуми, который стал так искусен. А потом рассказал ей о Момо и госпоже Мандель. И наконец замолчал, прислушиваясь к дыханию Полетты, – понял, что она заснула, и бесшумно встал.

Он был уже в дверях, когда она окликнула его:

- Франк...
- Да?
- Знаешь, я ведь ничего не сообщила твоей матери...
- И правильно сделала.
- Я...
- Тсс, теперь спи – чем больше будешь спать, тем скорее встанешь на ноги.
- Я правильно поступила?

Он кивнул и приложил палец к губам.

- Да. А теперь спи...

После полумрака палаты свет неоновых ламп в коридоре ослепил его, и он не сразу сориентировался, куда идти. Знакомая медсестра перехватила его в коридоре.

Она предложила ему присесть, взяла историю болезни Полетты Лестафье и стала задавать обычные уточняющие вопросы, но Франк не реагировал.

- С вами все в порядке?
  - Устал...
  - Вы что-нибудь ели?
  - Нет, я...
  - Подождите, сейчас мы это поправим.
- Она достала из ящика банку сардин и пачку печенья.
- Подойдет?
  - А как же вы?
  - Не беспокойтесь! Смотрите, у меня здесь гора печенья. Хотите красного вина?
  - Нет, спасибо. Куплю колу в автомате...
  - А я выпью, но это между нами, ладно?
- Франк заморил червячка, ответил на все вопросы и собрался уходить.

– Она жалуется на боль...

– Завтра станет легче. В капельницу добавили противовоспалительное, утром ей будет лучше...

- Спасибо.
- Это моя работа.
- Я о сардинах...

Он доехал очень быстро, рухнул на кровать и уткнулся лицом в подушку, чтобы не рыдаться. Только не сейчас. Он так долго держался... Продержится еще немного...

7

- Кофе?
- Нет, колу, пожалуйста.

Камилла тянула воду маленькими глоточками. Она устроилась в кафе напротив ресторана, где мать назначила ей встречу. Допив, положила руки на стол, закрыла глаза и постаралась дышать помедленнее. От этих совместных обедов, как бы редко они ни случались, у нее всегда начинал болеть живот. Встав из-за стола, ей приходилось сгибаться в три погибели, ее качало, с нее слово сдирали кожу. Ее мать с садистской настойчивостью, хотя скорее всего невольно, расковыривала одну за другой тысячи затянувшихся ранок. Камила увидела в зеркале над стойкой, как мать входит в «Нефритовый рай», выкурила сигарету, спустилась в туалет, заплатила по счету и перешла через улицу. Она засунула руки в карманы и скрестила их на животе.

Камилла отыскивала глазами сутулый силуэт матери за столиком и села напротив, глубоко вздохнув.

- Привет, мама!
- Не поцелуешь меня?
- Здравствуй, мама, – медленно повторила она.
- У тебя все в порядке?
- Почему ты спрашиваешь?

Камилла ухватилась за край стола, борясь с желанием сейчас же вскочить и убежать.

- Спрашиваю потому, что именно этот вопрос все люди задают друг другу при встрече...
- Я – не «все»...
- Неужели?
- Умоляю тебя, не начинай!

Камилла отвернулась и оглядела отвратительную отделку ресторана – под мрамор, барельефы в псевдоазиатском стиле. Чешуйчатые и перламутровые инкрустации из пластмассы и желтой пленки-лаке.

– Здесь красиво...

– Здесь просто ужасно. Но я, видишь ли, не могу пригласить тебя в «Серебряную башню». Впрочем, даже будь у меня такая возможность, я бы тебя туда не повела... Зачем бросать деньги на ветер – ты ведь все равно ничего не ешь...

Хорошенькое начало.

Мать горько усмехнулась.

– Заметь, ты могла бы сходить туда без меня, у тебя-то деньги есть! Счастье одних строится на несчастье дру...

– Прекрати немедленно! Прекрати, или я уйду! – пригрозила Камила. – Если тебе нужны деньги, скажи, я дам.

– Ну конечно, мадемуазель ведь работает... Хорошая работа... А уж какая интересная... Уборщица... Поверить не могу: ты, воплощение беспорядка, и уборка... Знаешь, ты никогда не перестанешь меня удивлять...

– Хватит, мама, довольно. Это невозможно. *Невозможно*, понимаешь? Я так не могу. Выбери другую тему для разговора. *Другую*...

– У тебя была хорошая профессия, но ты все испортила...

– Профессия... Тоже мне профессия! Я ни капли ни о чем жалею, она не сделала меня счастливой.

– Но ты же не собиралась заниматься этим всю жизнь... И потом, что значит «была счастлива», «не была счастлива»? Идиотское слово... Счастлива! Счастлива! Ты весьма наивна, дочка, если полагаешь, будто мы приходим в этот мир, чтобы валять дурака и собирать цветочки...

– Конечно, я так не думаю. Благодаря тебе я прошла хорошую школу и твердо усвоила: наше главное предназначение – мучиться. Ты вбила мне это в голову...

– Вы уже выбрали? – спросила подошедшая официантка.

Камилла готова была расцеловать ее.

Ее мать разложила на столе таблетки и начала их пересчитывать.

– Не надоело травить себя всем этим дерьмом?

– Не говори о том, чего не понимаешь. Не будь этих лекарств, я бы давно отправилась в мир иной...

– Почему ты так в этом уверена? Какого черта никогда не снимаешь эти жуткие очки?

Здесь вроде солнца нет...

– Мне так удобнее. В очках я вижу мир в его истинном свете...

Камилла улыбнулась и похлопала мать по руке. Иначе пришлось бы вцепиться ей в глотку и придушить.

Мать перестала хмуриться, немного поныла, пожаловалась на одиночество, спину, глупость коллег и неудобство кооперативов. Ела она с аппетитом и сделала недовольное лицо, когда дочь заказала еще одну кружку пива.

– Ты слишком много пьешь.

– Что да, то да! Давай чокнемся! За то, что ты в кои-то веки не говоришь глупостей...

– Ты никогда меня не навещаешь...

– Да ну? А что я, по-твоему, здесь делаю?

– Последнее слово всегда должно оставаться за тобой, да? Ты копия отец...

Камилла напрыглась.

– Ну да, конечно! Не любишь, когда я говорю о нем, верно? – торжествующе воскликнула Фок-старшая.

– Прошу тебя, мама... Не продолжай...

– Я говорю о чем хочу. Не будешь доедать?

– Нет.

Мать неодобрительно покачала головой.

– Посмотри на себя... Похожа на скелет... Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь на тебя польстился...

– Мама...

– Что «мама»? Конечно, я беспокоюсь о тебе, детей рожают не для того, чтобы смотреть, как они гибнут!

– А ты, мама, зачем меня родила?

Не успев договорить фразу до конца, Камилла поняла, что зашла слишком далеко и сейчас получит по полной программе – мать разыграет «сцену № 8». Этот номер не предполагал импровизаций, он был давно отрепетирован и исполнялся многократно: эмоциональный шантаж, крокодиловы слезы и угроза покончить с собой. Порядок произвольный.

Мать плакала, укоряла дочь за то, что та ее бросила, как сделал пятнадцатью годами раньше ее отец, называла бессердечной, восклицая, что жить ей незачем.

– Скажи мне, зачем, ну зачем я живу?

Камилла свертывала себе сигарету.

– Ты меня слышала?

– Да.

– Ну и?

– Спасибо, дорогая, благодарю от всего сердца. Ответ более чем ясный...

Она шмыгнула носом, положила на стол два ресторанных талона и ушла.

Главное – сохранять спокойствие, стремительный уход всегда был апофеозом, занавесом «сцены № 8».

Обычно занавес опускался после десерта, но сегодня они были в китайском ресторане, а ее мать не очень любила здешние пирожки, личи и приторно-сладкую нугу...

Итак, главное – сохранять спокойствие.

Сделать это было нелегко, но Камилла давно научилась прятаться в спасательную капсулу. И потому она поступила как обычно: постаралась сосредоточиться и в уме проговорить самой себе несколько прописных истин. Несколько простейших, полных здравого смысла фраз. Эти наскоро сколоченные подпорки помогали Камилле общаться с матерью... Их натужные встречи и абсурдные, тягостные разговоры были бы лишены всякого смысла, не будь Камилла уверена, что матери они необходимы. Увы, Катрине Фок эти разговоры явно шли на пользу: терзая дочь, она оживала. И даже если порой она, изобразив оскорбленную невинность, покидала «сцену» до окончания «спектакля», ей все равно удавалось отвести душу. И, что называется «словить свой кайф». Она уходила с чувством выполненного долга, одержав над дочерью громкую победу и получив заряд отрицательных эмоций для следующей встречи.

Камилла поняла весь этот расклад далеко не сразу и не без посторонней помощи. Ей в этом помогли. Когда-то, когда она была еще слишком молода, чтобы осознать происходящее, нашлись люди, которые просветили ее насчет поведения матери. К несчастью, те времена давно прошли, а тех, кому была небезразлична судьба Камиллы, уже не было рядом...

И сегодня мать отыгрывалась на дочери.

Забавная штука жизнь.

8

Официантка убрала со стола. Ресторан опустел. Камилла не уходила. Она курила и заказывала кофе, чтобы ее не вытурили.

За столиком в глубине зала старый беззубый китаец что-то бормотал себе под нос и смеялся.

Обслуживавшая их официантка ушла за стойку бара. Она перетирала стаканы и время от времени что-то выговаривала старику по-китайски. Тот хмурился, умолкал на мгновение, но почти сразу снова возобновлял свой дурацкий монолог.

– Вы закрываетесь? – спросила Камилла.

– Нет, – ответила девушка, ставя перед стариком пиалу. – Кухня больше не работает, но мы открыты всю ночь. Хотите еще кофе?

– Нет, спасибо. Я могу остаться еще ненадолго?

– Конечно, сидите! Такое развлечение для него!

– Хотите сказать, это надо мной он так смеется?

– Что вы, что кто другой...

Камилла взглянула на старика-китайца и послала ему ответную улыбку.

Тоска, в которую погрузило Камиллу общение с матерью, постепенно рассеялась. В кухне лилась вода, гремели кастрюли, из приемника доносились визгливые китайские песни, которыми подпевала, приплясывая, официантка. Камилла смотрела, как старик вылавливает палочками лапшу из миски и по его подбородку течет бульон, и ей вдруг показалось, что она не в ресторане, а у кого-то дома, в гостях...

На столе перед ней стояла чашка кофе да лежал пакет с табаком. Она убрала их на соседний столик и стала разглаживать скатерть.

Медленно, очень медленно она водила ладонью по шершавой, в пятнах, бумаге.

Так прошло несколько долгих минут.

Ее мысли пришли в порядок, сердце забилось быстрее.

Камилле было страшно.

Она должна попытаться. Ты должна попытаться. Да, но я так давно не...

«Тсс, – прошептала она себе под нос. – Тихо, я здесь. Все получится, старушка. Сейчас или никогда... Давай... Не дрейфь...»

Она подняла руку над столом и дождалась, когда перестанут дрожать пальцы. Видишь, все хорошо... Схватила свой рюкзак, пошарила внутри: слава Богу, все на месте.

Камилла вынула деревянный ящичек и водрузила его на стол. Открыла, достала небольшой прямоугольный камешек и приложила к щеке – он был нежным и теплым. Когда она развернула синюю тряпицу и достала палочку для туши, вокруг запахло сандалом. Последними были выпущены из заточения бамбукового пенала две кисточки.

Та, что потолще, была из козьего волоса, тонкая – из свиной щетины.

Она встала, взяла со стойки графин с водой, два телефонных справочника и поклонилась сумасшедшему старику.

Справочники она положила на свой стул и уселась сверху, так, чтобы рука с кисточкой не касалась стола, налила несколько капель воды на камень в форме черепицы и начала растирать тушь. В ушах зазвучал голос учителя: *Вращай камень очень медленно, малышка Камилла... Нет-нет, еще медленнее! И делай это долго! Не меньше двухсот раз – так ты придаешь гибкость запястью и готовишь ум к великим свершениям... Ни о чем не думай и на меня не смотри, несчастная! Сконцентрируйся на запястье, оно продиктует тебе первое движение, первую линию – только она и имеет значение, она вдохнет жизнь в твой рисунок...*

Приготовив тушь, она нарушила завет учителя и сперва поупражнялась на уголке скатерти, стараясь вернуть забытые навыки. Начала с пяти мазков – от густо-черного до почти размытого, восстанавливая в памяти давно забытый цвет туши, потом попыталась провести несколько разных линий и была вынуждена констатировать, что уверена только в «развязанной веревочке», «волоске», «дождевой капле», «скрученной нитке» и «бычьих шерстинках». Покончив с линиями, Камилла перешла к точкам. Из двадцати, которым научил ее наставник, она вспомнила всего четыре: «крут», «утес», «зернышко риса» и «дрожь».

Так, хватит. Теперь ты готова... Она зажала тонкую кисточку большим и средним пальцем, вытянула руку над скатертью и выждала несколько секунд.

Внимательно наблюдавший за Камиллой старик ободряюще моргнул.

Камилла Фок вышла из летаргического сна, нарисовав одного воробья, потом другого, третьего – целую стаю хитроглазых воробьев.

Вот уже больше года она ничего не рисовала.

* * *

Камилла была молчаливым ребенком, в детстве она говорила еще меньше, чем сейчас. Мать заставляла ее учиться музыке, а она это ненавидела. Однажды – ее учитель опаздывал – она взяла толстый маркер и нарисовала по пальцу на каждой клавише. Мать едва не свернула ей шею, а отец, чтобы успокоить страсти, в следующие выходные привез адрес художника, который раз в неделю занимался с детьми.

Прошло совсем немного времени, и отец Камиллы умер, а она окончательно замолчала. Камилла не разговаривала даже на уроках рисования с господином Доутоном (про себя она называла учителя мсье Дугетон), хотя очень его любила.

Старый англичанин, не обращая внимания на эту странность Камиллы, обучал ее технике рисования, задавал темы и сюжеты. Он показывал, она повторяла, кивая головой в знак согласия или несогласия. Только с этим человеком, в его доме, Камилле было хорошо и спокойно. Даже ее немота, казалось, устраивала обоим: учителю не приходилось напрягаться с французским, а Камилла и так была собраннее всех остальных учеников.

И все-таки наступил день – другие дети уже ушли, – когда Доутон нарушил их молчаливый уговор и заговорил с девочкой, которая что-то рисовала пастелью в своем альбоме:

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Камилла?

Она помогала головой.

– Китайского художника по имени Чжу Да... Хочешь, я расскажу тебе его историю?

Она кивнула, но он в это время отвернулся, чтобы выключить чайник.

– Не слышу ответа, Камилла... Ты что, не хочешь послушать?

Теперь он смотрел на нее в упор.

– Отвечай, девочка.

Она метнула в него недобрый взгляд.

– Итак?

– Да, – выговорила она наконец.

Он удовлетворенно прикрыл глаза, налил себе чаю и сел рядом с ней.

– У Чжу Да было очень счастливое детство...

– Он был принцем из династии Мин... Его семья была очень богатой и очень могущественной. Его отец и дед были знаменитыми художниками и каллиграфами, и маленький Чжу Да унаследовал их талант. Представь себе, однажды, когда ему было всего семь лет, он нарисовал цветок, простой цветок лотоса и на пруду... рисунок был так прекрасен, что мать Чжу Да решила повесить его в гостиной: она утверждала, что от рисунка веет свежим ветерком, что можно даже вдохнуть аромат цветка, проходя мимо. Представляешь? даже аромат! А ведь матушка Чжу Да знала толк в живописи – ее муж и отец были художниками.

Он снова поднес чашку к губам.

– Вот так и рос Да – беззаботно, в холе и неге, твердо зная, что однажды он тоже станет великим художником... Увы, когда юноше исполнилось восемнадцать, власть в стране захватили маньчжуры. Они были жестокими и грубыми людьми и не жаловали художников и писателей. Они запретили им работать. Конечно, ты догадываешься, что ничего ужаснее они придумать не могли. Семья Чжу Да потеряла покой, а его отец умер от горя. И тогда его сын – проказник, любивший смеяться, петь, говорить глупости и читать стихи, совершил невероятное... Ой, поглядите-ка, кто к нам пришел! – учитель переключился на кота, вспрыгнувшего на подоконник, и нарочно завел с ним долгую дурашливую беседу.

– Что он сделал? – прошептала наконец Камилла.

Господин Доутон спрятал улыбку в кудлатой бороде и продолжил как ни в чем не бывало:

– Он сделал невероятное. И ты никогда не догадаешься, что именно... Он решил замолчать навсегда. Навсегда, понимаешь? Поклялся, что ни одно слово не слетит с его уст! Ему были противны окружающие, в угоду маньчжурам отрекавшиеся от своих традиций и веры, и он больше не желал с ними общаться. Пусть отправляются к дьяволу! Все! Эти рабы! Эти трусы! И тогда он написал слово *Немой* на дверях своего дома, а если кто-то все-таки пытался

с ним заговорить, он раскрывал перед лицом веер, на котором тоже было написано *Немой*, и махал им во все стороны, пока его не оставляли в покое.

Девочка слушала как завороженная.

– Проблема в том, что никто не может жить, совсем никак не выражая свои мысли, чувства и желания. Никто... Это невозможно... И тогда в голову Чжу Да – ему, как всем людям, тебе и мне в том числе, было что сказать – пришла гениальная мысль. Он отправился в горы, подальше от предавших его людей, и начал рисовать... Отныне, решил Чжу Да, именно так он будет самовыражаться и общаться с остальным миром – через рисунки... Хочешь посмотреть?

Он снял с полки большой черно-белый том и положил книгу перед Камиллой.

– Взгляни, как прекрасно... И как просто... Всего одна линия и перед тобой... Цветок, рыба, кузнечик... Посмотри на эту утку, какая она сердитая, и на горы в тумане... Обрати внимание, как он изобразил туман... Так, словно это сплошная пустота... А эти цыплята? Они такие милые, что хочется их погладить. Его тушь подобна пуху, она нежна...

Камилла улыбалась.

– Хочешь, я научу тебя так рисовать?

Она кивнула.

– Так хочешь?

– Да.

Когда все было готово, и он показал ей, как держать кисточку, и объяснил всю важность первого штриха, Камилла впала в задумчивость. Она не совсем поняла своего учителя и считала, что рисунок должен быть выполнен в одну линию, не отрывая руки от бумаги. Это было невозможно.

Она долго думала, какой сюжет выбрать, оглядывалась вокруг себя и наконец протянула руку к листу.

Она провела длинную волнистую линию, нарисовала выпуклость, клин, еще один, повела кисточку вниз зигзагообразным движением и вернулась к первой волнистой линии. Учитель не смотрел в ее сторону, и она смухлевала: оторвав кисточку от бумаги, добавила к рисунку жирную черную точку и шесть маленьких штрихов. Она предпочла послушаться – нельзя же было оставить кота без усов.

Малкольм, послуживший ей моделью, по-прежнему спал на подоконнике, и правдолюбка Камилла закончила рисунок, заключив кота в тонкий прямоугольник.

Она встала и отправилась гладить Малкольма, а когда обернулась, заметила, как странно, почти зло, смотрит на нее учитель.

– Это ты нарисовала?

Значит, догадался, что она несколько раз отрывала кисточку от бумаги... Она наморщила нос.

– Так что, Камилла, это ты нарисовала?

– Да...

– Иди сюда, прошу тебя.

Она подошла, несколько смущенная, и села рядом.

Он плакал.

– То, что ты сделала, просто великолепно... Кажется, что твой кот вот-вот замурлычет... Ох, Камилла...

Он достал огромный, в пятнах краски, носовой платок и шумно высморкался.

– Слушай меня внимательно, детка. Я всего лишь старик, да к тому же плохой художник, но ты должна выслушать меня очень внимательно... Я знаю, жизнь у тебя не слишком простая, полагаю, тебе не всегда бывает уютно дома, и мне сказали о твоём папе, но... Нет,

не нужно плакать... Вот, возьми мой платок... Есть одна вещь, которую я просто обязан тебе сказать: когда люди перестают разговаривать, они сходят с ума. Я не рассказал тебе, что Чжу Да сошел с ума и стал несчастным... Ужасно, ужасно несчастным и совсем, совсем сумасшедшим. Он снова обрел мир в душе только к старости. Ты ведь не станешь ждать, пока состаришься, правда? Пообещай мне, что не станешь. Ты очень одаренная девочка. Самая талантливая из всех моих учеников, но это ничего не значит, Камилла... Ничего не значит. Сегодняшний мир не такой, каким был во времена Чжу Да, и ты должна снова начать говорить. Обязана, понимаешь? Иначе они запретят тебя с настоящими сумасшедшими и никто никогда не увидит твоих чудесных рисунков.

За ней пришла мать, и разговор прервался. Камилла встала и произнесла хриплым срывающимся голосом: – Подожди меня... Я еще не собрала вещи...

Однажды она получила по почте небрежно упакованную бандероль, к которой была приложена записка:

Здравствуйте,

Меня зовут Эйлин Уилсон. Мое имя наверняка ничего вам не говорит, но я была другом Сесила Доутона – когда-то он учил вас рисовать. Я имею грусть сообщить вам печальная новость – два месяца назад Сесил покинул нас.

Я знаю, что вы цените то, что я скажу вам, что мы похоронили его в окрестностях Дартмура, которого он любил, на кладбище с очень красивым видом (извините мой французский). Его кисти и краски я положила с ним в могилу вместе.

Перед смертью он просил меня послать вам это. Я уверена, что он будет иметь много радости, если вы будете рисовать ими и подумать о нем. Эйлин У.

Камилла не смогла удержаться от слез при виде китайской туши и кисточек своего старого учителя – тех самых, которыми она сейчас рисовала...

* * *

Заинтригованная официантка подошла забрать пустую чашку и бросила взгляд на скатерть. Камилла нарисовала заросли бамбука. Стебли и листья бамбука рисовать труднее всего. *Лист, маленький, трепещущий на ветру листок, требовал от этих мастеров многолетнего труда, иногда целой жизни... Используй контрасты. У тебя всего одна краска, но ты можешь выразить все что угодно... Соберись. Если хочешь, чтобы я однажды выгравировал тебе личную печать, сделай эти листья еще более невесомыми...*

Дешевая бумажная скатерть коробилась, тушь впитывалась слишком быстро.

– Вы позволите? – спросила девушка.

Она протягивала Камилле пачку чистых скатертей. Камилла отодвинулась, положила сделанный рисунок на пол. Старичок разохался, официантка на него прикрикнула.

– Что он говорит?

– Он злится, потому что не видит, что вы рисуете...

Она добавила:

– Это мой двоюродный дедушка... Он парализован...

– Скажите, что следующий рисунок я сделаю для него.

Девушка отошла к бару и произнесла несколько слов по-китайски. Старый дядюшка успокоился и строго посмотрел на Камиллу.

Она долго вглядывалась в его лицо, а потом нарисовала на всей поверхности скатерти похожего на старика веселого человечка, бегущего вдоль рисового поля. Она никогда не была в Азии, но изобразила на заднем плане гору в тумане, сосны, скалы и даже маленькую хижину Чжу Да на мысу. Она одела своего героя в каскетку с надписью «Nike», спортивную куртку и традиционную набедренную повязку, добавила брызги воды, рассыпающиеся из-под босых ног, и преследующих его мальчишек.

Она отодвинулась, чтобы оценить свою работу.

Многие детали ей не понравились, но старик выглядел счастливым, по-настоящему счастливым, и тогда она подложила под скатерть тарелку, открыла баночку с красной киноварью и поставила свою печать справа в центре. Встала, освободила стол старика, вернулась за своим рисунком и разложила его перед ним.

Он не реагировал.

«Приплыли, – сказала она себе, – видимо, я что-то напортила...»

Когда его внучатая племянница вернулась с кухни, китаец издал протяжный жалобный стон.

– Мне очень жаль, – сказала Камилла, – я думала, что...

Официантка жестом остановила ее, достала очки с толстыми стеклами и надела их старому китайцу прямо под кепку. Он наклонился, сохраняя важность, и вдруг засмеялся. Детским смехом, звонким и веселым. Потом вдруг заплакал и снова засмеялся, раскачиваясь из стороны в сторону и скрестив руки на груди.

– Он хочет выпить с вами сакэ.

– Супер...

Девушка принесла бутылку, он закричал на нее, она вздохнула, снова ушла и вернулась с другой бутылкой в сопровождении остальных членов семьи – пожилой дамы, двух мужчин лет по сорок и подростка. Все смеялись, кричали, кланялись и что-то возбужденно лопотали. Мужчины хлопали ее по плечу, а паренек на спортивный манер шлепнул ладошкой по ее ладони.

Потом каждый вернулся на свое рабочее место, а внучка старика поставила на стол два стаканчика. Китаец поклонился, выпил сакэ и тут же снова налил.

– Предупреждаю, сейчас он расскажет вам всю свою жизнь.

– Меня это не пугает, – успокоила ее Камилла. – Ух... надо же, как крепко!

Официантка рассмеялась и удалилась.

Они остались вдвоем. Старик стрекотал, Камилла внимательно слушала и только кивала, когда он жестом спрашивал, можно ли ей налить.

Она с трудом поднялась, собрала вещи, прощаясь, несколько раз поклонилась старику и застыла у входа. Дверь не желала открываться, и официантке пришлось ей помочь.

– Вы здесь у себя дома, договорились? Приходите поесть, когда захотите. Он разозлится, если не придете... И загрустит...

На работу она заявила совершенно пьяная.

Самия пришла в невероятное возбуждение:

– Эй, ты что, мужика завела?

– Да, – смущенно призналась Камилла.

– Правда, что ли?

– Да.

- Да ладно... Врешь ты все... Какой он? Симпатичный?
  - Он суперский.
  - Да ну, неправда... Сколько ему лет?
  - Девяносто два.
  - Кончай идиотничать. Сколько ему лет?
  - Довольно, девушки... Потом обсудите!
- Жози постучала по циферблату часов.

Камилла удалилась, глупо хихикая и спотыкаясь о шланг своего пылесоса.

9

Прошло больше трех недель. По воскресеньям Франк подрабатывал в ресторане на Елисейских полях, а по понедельникам сидел у постели бабушки.

Полетта, находившаяся теперь в санатории в нескольких километрах к северу от Парижа, с рассвета начинала ждать его приезда.

А он с трудом просыпался по будильнику. Как зомби спускался в кафе на углу, заливал в себя несколько чашек кофе, седлал мотоцикл и ехал досыпать рядом с ней в уродливом кресле из черной искусственной кожи.

Когда Полетте приносили поднос с едой, старая дама прикладывала указательный палец к губам и кивала на своего большого мальчика, который, свернувшись калачиком, спал рядом с ней. Она не отрывала от него взгляда и следила, чтобы куртка, не дай Бог, не задралась.

Она была счастлива. Он здесь. Совсем рядом. Принадлежит ей одной.

Боясь потревожить его сон, Полетта не решалась вызвать сестру, чтобы та подняла изголовье кровати, осторожно брала вилку и ела в полной тишине. Она припрятывала в тумбочку хлеб, сыр и фрукты, чтобы накормить внука, когда он проснется. Потом тихонько отодвигала поднос и, улыбаясь, складывала руки на животе.

Она закрывала глаза и дремала, убаюканная ровным дыханием мальчика и накачивающими воспоминаниями. Сколько раз ей казалось, что она потеряла своего мальчика. Словно она всю жизнь только и делала, что искала его. В саду, среди деревьев, у соседей, в хлеву. То он сидел, развалившись, у телевизора, то пропадал где-нибудь в кафе. Она искала его по обрывкам бумаги, где он записывал номера своих телефонов, по которым она никогда не могла дозвониться.

И все же она сделала для него все, что было в ее силах... Кормила, обнимала, баловала, подбадривала, бранила, наказывала и утешала, и что же? Едва научившись ходить, он тут же дал деру, а уж когда у него выросли первые три волоска на подбородке, все было кончено. Он исчез.

Во сне у нее порой искажалось лицо и подрагивали губы. Слишком много горя, неудач и сожалений... Порой бывало так трудно, так трудно... Нет, довольно, она больше не должна об этом думать, тем более что он просыпается – волосы всклокочены, на щеке отпечатался шов обивки.

- Сколько времени?
- Скоро пять...
- О, черт, уже?

- Франк, зачем ты все время чертыхаешься?
- О, трам-тарарам-там-там, уже?
- Ты голоден?
- Да нет, пить хочу... Пойду пройдуся...
- «Ну вот, – подумала старая дама, – ну вот...»
- Ты уходишь?
- Да нет, не уйду я, трах-тибедох!
- Если увидишь рыжего мужчину в белом халате, может, спросишь, когда меня выпишут?
- Угу, спрошу... – пообещал он, выходя.
- Такой высокий, в очках и...
- Он был уже в коридоре.
- Ну что?
- Не видел его...
- Как?
- Брось, бабуля... – весело сказал он, – ты же не разнюнишься из-за пустяков?
- Нет, но я... Как же мой кот? И птички... Дождь шел всю неделю, и я боюсь за инструменты... Я не убрала их, они наверняка заржавеют...
- Я заеду на обратном пути и уберу их в сарай...
- Франк...
- Да?
- Забери меня с собой...
- Черт... Ты опять... Я так больше не могу...
- Она спохватилась.
- Инструменты...
- Что?
- Их нужно смазать машинным маслом...
- Он взглянул на нее, надув щеки:
- Ну это если будет минутка, ладно? Так, но это не главное, сейчас у нас гимнастика...
- Где твои ходунки?
- Не знаю.
- Бабуля!
- За дверью.
- Подъем, старушка, сейчас я покажу тебе птичек!
- Нету здесь никаких птичек. Одни грифы да стервятники...
- Франк улыбался. Ему нравился бабкин скепсис.
- Все в порядке?
- Нет.
- Что опять не так?
- Мне больно.
- Где?
- Везде.
- Так не бывает, это неправда. Покажи, где именно у тебя болит.
- У меня болит в голове.
- Это нормально. Там у всех болит... Давай покажи мне своих подружек...
- Не хочу... Поворачивай. Не хочу их видеть, все они мне надоели.
- А вот тот старичок в блейзере – он вроде неплох, а?
- Никакой это не блейзер, дурачина ты мой, а вовсе даже пижама... К тому же он глухой, как пень... И с претензиями...

Она переставляла ноги и злословила о товарищах по несчастью – значит, все в порядке.

– Ладно, я поехал...

– Уже?

– Да, уже. Ты же хочешь, чтобы я позаботился о твоей цапке и граблях... А мне, между прочим, завтра рано вставать, и никто не подаст завтрак в постель...

– Ты позвонишь?

Он кивнул.

– Обещаешь, а сам никогда не звонишь...

– Времени нет.

– Набери номер, поздоровайся и можешь сразу вешать трубку.

– Ладно. Я, кстати, не уверен, что смогу вырваться на той неделе... Шеф везет нас на пирушку...

– Куда?

– В «Мулен-Руж».

– Правда?

– Конечно, нет! Мы едем в Лимузен, к парню, который поставляет нам мясо...

– Странная идея...

– Вот такой у меня шеф... Считает, что это важно...

– Значит, ты не приедешь?

– Не знаю.

– Франк...

– Да?

– Врач...

– Я знаю – рыжий, постараюсь его отловить... А ты упражняйся, ладно? Массажист тобой не очень доволен...

И добавил, развеселившись удивлению бабушки:

– Видишь, я все-таки звоню...

Он убрал в сарай ее инструменты, съел последние клубничины и посидел немного в саду.

Кот мурлыкал и терся о его ноги.

– Не волнуйся, папаша, и ничего не бойся. Она вернется...

Звонок сотового вывел его из оцепенения. Это была его подружка. Он стал с ней заигрывать, девица захихикала.

Она предлагала сходить в кино.

Он гнал со скоростью 170 километров в час и всю дорогу искал предлог, как затащить ее в койку, минуя кинозал. Он не очень-то любил кино. К концу фильма всегда засыпал.

10

К середине ноября, когда холод начал свою подлую подрывную работу, Камилла решила наконец отправиться в хозяйственный магазин, чтобы хоть как-то улучшить свои жилищные условия. Она провела в магазине всю субботу: бродила между полками, гладила деревянные панели, восхищалась инструментами, гвоздями, винтами, болтами, дверными ручками, карнизами, банками с краской, лепниной, душевыми кабинами и всякими хромированными штучками-дрючками. Потом она отправилась в отдел садоводства, и все там привело ее в восторг: резиновые сапоги, мотыги, сетка для птичника, горшочки для рассады, чернозем и пакетики со всевозможными семенами. Одновременно она наблюдала за покупателями: беременная дама выбирала обои в пастельных тонах, молодая пара собачилась из-за уродливого бра, бодрячок

предпенсионного возраста в башмаках на резиновом ходу что-то измерял столярной рулеткой и записывал результаты в блокнот.

Жизнь научила ее не доверять очевидному и не строить планов на будущее, но в одном Камилла была совершенно уверена: когда-нибудь очень-очень нескоро, когда она станет совсем старенькой, седой и морщинистой, а ее руки покроются коричневыми пятнами, у нее будет свой собственный дом. Настоящий дом с медным тазом для варки варенья, жестяной коробкой с песочным печеньем на верхней полке буфета, крепко сколоченным крестьянским столом и кретоновыми занавесками. Камилла улыбалась. Она знать не знала, как выглядит кретон, и вовсе не была уверена, что ей нужны именно такие шторы, но ей нравилось, как звучит это словосочетание – *кретоновые занавески*... У нее в доме будут комнаты для друзей и – кто знает! – может, и друзья тогда появятся? Она заведет кокетливый садик, куры будут нести яйца (она любит яйца всмятку), кошки станут охотиться на мышей-полевок, а собаки гонять кошек. Работка душистых трав, камин, продавленные кресла и повсюду книги. Белые скатерти, круглые узорчатые салфетки, купленные на распродаже, музыкальный центр, чтобы слушать любимые оперы отца, и печка, на которой она будет запекать к обеду мясо с морковью...

Она сможет запекать все что захочет...

Маленький домик – такие рисуют дети, с дверью и двумя окнами с обеих сторон. Старенький, скромный, тихий, увитый диким виноградом и плетистыми розами. По крыльцу будут ползать черно-красные букашки-красноклопы. Вечерами она станет сидеть на теплых каменных ступенях и ждать возвращения цапли...

В старой теплице она устроит мастерскую... Хотя... в этом она как раз не уверена... До сих пор руки плохо ее слушались, может, и не стоит больше на них рассчитывать...

Неужели она и там не найдет в конце концов покоя и умиротворения?

Но где же тогда? Где? – с тоской подумала вдруг Камилла.

Где?

Она спохватилась, позвала продавца и постаралась сосредоточиться. Маленькая хижина в гуще леса – красивая мечта, но пока что она замерзает в своей сырой дыре, а этот парень в ярко-желтой тенниске наверняка способен ей помочь.

– Так вы говорите, дует из щелей?

– Да.

– У вас Velux⁴?

– Нет, обычная люкарна⁵.

– А что, они еще существуют?

– Увы...

– Держите, вот то, что вам нужно...

Он протянул ей моток шнура-уплотнителя «специально для окон» из пластика, прочного, моющегося, пыле- и водонепроницаемого. Просто подарок судьбы.

– Степлер у вас есть?

– Нет.

– Молоток? Гвозди?

– Нет.

Она, как собачонка, ходила за ним по всему магазину, пока он наполнял ее корзинку.

– А обогреватель?

– Что у вас сейчас?

---

⁴ Марка мансардных окон.

⁵ Чердачное окно.

– Электрорадиатор – он всю ночь трясется и к тому же воняет!

Он очень серьезно отнесся к своей миссии и устроил ей обзорную лекцию. С ученым видом расхваливал, комментировал и сравнивал достоинства воздуходушных, масляных, инфракрасных обогревателей, керамических батарей и конвекторов. У нее закружилась голова.

– Так что же мне взять?

– Ну, тут только вы можете решить...

– В том-то и дело, что не могу...

– Возьмите масляную батарею, она в средней цене и очень надежна. Oleo фирмы Calor, например...

– Она на колесиках?

– Э-э-э... – Он начал изучать инструкцию... – Та-а-ак, сейчас посмотрим... *Механический термостат, убирающийся шнур, регулируемая мощность, увлажнитель воздуха и... колесики!* Да, мадемуазель!

– Блеск. Я смогу подтаскивать его к кровати...

– Э-э-э... Знаете... Есть еще один вариант... В постели вас может согреть любимый человек...

– Вы правы, но у него шнур не убирается...

– Что да, то да...

Он улыбался.

По дороге к окошку, где выписывали гарантийные талоны, она заметила электрокамин с фальшивыми угольками, фальшивыми поленьями, фальшивым огнем и фальшивой подставкой для дров.

– Ой! А это что такое?

– Электрокамин, но я вам не советую, барахло...

– Нет-нет, обязательно покажите!

Это был Sherbone, английская модель. Только англичане могли соорудить такую уродливую, такую китчевую вещь. В зависимости от степени нагревания (1000 или 2000 ватт) пламя поднималось ниже или выше. Камилла была в восторге:

– Гениально! Он совсем как настоящий!

– Вы видели цену?

– Нет.

– 532 евро, просто ни в какие ворота... Идиотская штука... Не дайте себя провести...

– Я ничего не понимаю про цены в евро...

– Это нетрудно – 3500 франков за агрегат, который будет согревать вас хуже Calor, который стоит меньше 600 франков...

– Я все равно его хочу.

Этот парень был так благоразумен, но наша стрекоза, закрыв глаза, протянула свою кредитную карточку. Не раздумывая, она оплатила и доставку. Когда дама в окошке услышала про восьмой этаж без лифта, она косо посмотрела на Камиллу и сообщила, что это будет стоить на 10 евро дороже...

– Ничего страшного, – ответила та, сжавшись в комок.

Он был прав. Это было черт знает что.

Конечно, камин был полное дерьмо, но ее квартира ничего лучшего и не заслуживала. Пятнадцать квадратных метров под самой крышей, то есть всего шесть, где можно было стоять, сидеть и ходить, матрас, брошенный прямо на пол, крошечная раковина в углу, похожая скорее на писсуар в общественном сортире, – там она и умывалась, и мылась. Вещи она вешала на дверь, две картонные коробки, поставленные одна на другую, служили этажеркой. На склад-

ном столике стояла электрическая плитка, а мини-холодильник служил рабочим, обеденным и журнальным столиками одновременно. Еще в ее жилище имелись две табуретки, галогенная лампа, маленькое зеркало. Кухонный шкафчик в виде коробки. Что еще? Клетчатый чемодан, куда она сложила оставшиеся у нее краски и кисти, три папки с бумагой для рисования и... Нет, больше у нее ничего не было.

Туалет, да что там – «очко» – находился в конце коридора, справа, а чтобы воспользоваться душем, следовало положить на это самое «очко» прогнившую решетку...

Соседей у нее не было, разве что некий призрак: за дверью квартиры № 12 временами она слышала тихие голоса. Ее собственная дверь запиралась на висячий замок, а на наличнике прелестными фиолетовыми буквами было написано имя прежней хозяйки: *Луиза Ледюк*. Маленькая горничная из прошлого века.

Нет, Камилла не жалела о покупке, хотя камин «съел» половину ее месячного жалования... Да ладно... Плевать... Никого не касается, что она делает со своими деньгами... В автобусе она замечталась, придумывая, кого бы позвать на торжественную презентацию...

Через несколько дней она отловила своего недотепу.

– Знаете, у меня появился камин!

– Что, простите? А... Ох, это вы! Здравствуйте, мадемуазель. Унылая погода, не правда ли?

– Еще какая унылая! Так зачем же вы снимаете шапку?

– О... я... э-э... Я... Я хотел поздороваться, не так ли?

– Боже, наденьте ее обратно! Простудитесь! Кстати, я вас искала. Хотела пригласить на ужин «у камелька» как-нибудь вечером на этой неделе...

– Меня? – Он едва не поперхнулся.

– Да! Вас!

– О нет, я... как... Почему? Право же, я...

– Что вы? – нетерпеливо спросила она, внезапно утомившись: они стояли, дрожа от холода, перед своей любимой бакалеей.

– Это... мм...

– Невозможно?

– Нет, это... Это слишком большая честь для меня!

– Вот как! – Она развеселилась. – Значит, слишком большая честь... Да я же вас зову просто на ужин. Так вы согласны?

– Хорошо, да... я... Я буду счастлив разделить с вами трапезу...

– Гм... Трапеза – слишком громко сказано.

– Вот как?

– У нас будет скорее пикник... Небольшой перекус без лишних церемоний...

– Замечательно, обожаю пикники! Я даже могу прийти со своим пледом и корзиной, если хотите...

– С корзиной?

– Ну да, с корзиной для пикника...

– Такая специальная, с посудой?

– С тарелками, приборами, скатертью, четырьмя салфетками, штопо...

– Да-да, конечно, прекрасная идея! У меня ничего этого нет! Так когда же? Сегодня вечером?

– Сегодня... но... я...

– Вы что?

– Видите ли, я не предупредил своего... ээ... соседа...

– Понимаю. Пусть тоже приходит, это не проблема.

– Он? Нет, только не он, в смысле я не знаю, насколько он сможет соответствовать... Я...

Поймите меня правильно, я не имею в виду его поведение, даже если... э-э-э... даже если оно не слишком нравится мне... нет... видите ли, я, скорее... Да и вообще, сегодня вечером его не будет дома. Он никогда не сидит дома по вечерам...

– Итак... – Камилла раздражалась все сильнее. – Вы не можете прийти, потому что не предупредили соседа, который никогда не бывает дома вечерами... Я правильно поняла?

Он повесил нос и крутил пуговицы на своем пальто.

– Эй, я ведь вас не заставляю? И вы не обязаны соглашаться...

– Дело в том...

– В чем?

– Нет, ничего. Я приду.

– Сегодня вечером или завтра. В другие дни я работаю в ночную смену.

– Хорошо, – прошептал он, – я согласен, завтра... Вы... Вы будете дома? Она покачала головой.

– Да-а, с вами не соскучишься! Ну конечно, я буду дома, раз я вас приглашаю!

Он застенчиво улыбнулся.

– Значит, до завтра?

– До завтра, мадемуазель.

– Часам к восьми?

– Ровно к восьми, так и запишу.

Он поклонился и повернулся.

– Эй!

– Да?

– Подниметесь по черной лестнице. Я живу на восьмом, квартира № 16 – третья слева...

Он махнул шапкой, в знак того, что все понял.

11

– Входите, входите! Боже, вы просто великолепны!

– О, – покраснел он, – это всего лишь канотье... Оно принадлежало моему двоюродному деду, и я подумал, что для пикника...

Камилла не верила своим глазам. Канотье – это был всего лишь последний штрих. На нем был светлый костюм с красной бабочкой, под мышкой он держал трость с серебряным набалдашником и протягивал ей огромный плетеный чемодан.

– Это и есть ваша «корзинка»?

– Да, но подождите, у меня есть для вас кое-что еще...

Он удалился куда-то в глубь коридора и вернулся с букетом роз...

– Как мило...

– Знаете, это ненастоящие цветы...

– Простите?

– Они уругвайские, кажется... Я бы предпочел цветы из сада, но среди зимы это... это...

– Это невозможно.

– Вот именно! Невозможно!

– Да входите же, будьте как дома.

Он был таким высоким, что ему пришлось сразу сесть. Он с трудом подыскивал слова, на сей раз не потому, что заикался, а потому, что был совершенно ошеломлен.

– Как... Как здесь...

– Тесно?

– Нет, я бы сказал... изящно. Да-да, изящно и очень... оригинально, вы согласны?

– Очень оригинально! – со смехом повторила Камилла.

Он немного помолчал.

– Вы правда, правда здесь живете?

– Ну-у... да...

– Постоянно?

– Постоянно.

– Весь год?

– Весь год.

– Здесь тесновато, не находите?

– Меня зовут Камилла Фок.

– Ну конечно, я очень рад. Филибер Марке де ла Дурбельер, – сообщил он, поднимаясь, и немедленно ударился макушкой о потолок.

– Так длинно?

– Да...

– А как вас зовут покороче?

– Пожалуй, даже не знаю.

– Вы видели мой камин?

– Простите?

– Вон там... Мой камин...

– Ах, так вот как он выглядит! Прелестная вещь... – добавил он, усаживаясь и протягивая ноги к пластиковому огню. – Просто изумительно... Как в английском коттедже, не правда ли? Камилла была довольна. Она не ошиблась. Псих, конечно, но отличный парень...

– Хорош, правда?

– Просто великолепен! А греет?

– Безупречно.

– А где вы берете дрова?

– Ну, когда на улице такое творится... После всех этих ураганов с дровами проблем нет...

Стоит только наклониться...

– Как я вас понимаю! Видели бы вы подлесок во владениях моих родителей... Настоящая катастрофа... Что это? Дуб? Я не ошибся?

– Браво!

Они обменялись улыбками.

– Бокал вина?

– С удовольствием.

Камилла пришла в восторг от содержимого его чемоданчика. Тут было все: фарфоровые тарелки, серебряные приборы и хрустальные стаканы, солонка, перечница, графинчик для масла и уксуса, кофейные и чайные чашки, льняные салфетки с вышивкой, салатник, соусник, компотница, коробочка для зубочисток, сахарница, рыбные приборы и кувшин для шоколада. На каждом предмете был выгравирован фамильный герб ее гостя.

– Никогда не видела ничего красивее...

– Теперь вы понимаете, почему я не мог прийти вчера... Если бы вы знали, сколько времени мне понадобилось, чтобы все это вымыть и почистить!

– Почему вы мне не сказали?

– Вы всерьез полагаете, что, скажи я: «Сегодня не могу, мне нужно освежить чемоданчик!» – вы не приняли бы меня за безумца?

Она воздержалась от комментариев.

Они расстелили скатерть на полу, и Филибер Кто-то-там сервировал стол.

Они уселись по-турецки – возбужденные, веселые, как два ребенка, решившие поиграть «в гости» и опробовать новый кухонный сервиз, которые вовсю манерничают и при этом стараются ничего не сломать. Камилла, не умевшая готовить, побывала в магазине Губецкого и набрала ассорти из тарамы, семги, маринованной рыбы и луковой запеканки. Они старательно переложили еду в маленькие салатнички двоюродного дедушки Филибера и соорудили занятный тостер из старой крышки и листа фольги, чтобы разогреть блины. Водка стояла в водосточном желобе, и им достаточно было приоткрыть окно, чтобы добавить по маленькой. В комнате сразу становилось холоднее, но у них был камин, в котором плясало веселое пламя.

Камилла, как обычно, пила больше, чем ела.

– Ничего, если я закурю?

– Прошу вас, не стесняйтесь... А я, если не возражаете, хотел бы вытянуть ноги, у меня совершенно затекло все тело...

– Ложитесь на мою кровать...

– Ни... ни в коем случае... об этом и... не может быть и речи...

Стоило ему занервничать, и он начинал запинаться и совершенно теряться.

– Да бросьте вы эти церемонии! Кстати, это диван-кровать...

– В таком случае...

– Может, перейдем на ты, Филибер?

Он побледнел.

– О нет, я... Что касается меня, я не смогу, но вы... Вы...

– Стоп! Отбой! Трубите отбой! Я ничего не говорила! Беру свои слова назад! И вообще, я нахожу разговор на «вы» очаровательным, очень...

– Оригинальным?

– Вот именно!

Филибер тоже не отличался волчьим аппетитом, но ел он так медленно и деликатно, что наша образцово-показательная маленькая хозяйка мысленно похвалила себя за то, что составила меню из холодных закусок. На десерт она купила молодой сыр: долго стояла перед витриной кондитерской, не в силах сделать выбор. Она достала свою итальянскую кофеварку, а потом пила ее нектар из чашечки – такой тонкой, что ее можно было разбить, случайно задев зубами.

Они были немногословны. Привыкли есть в одиночестве. Так что протокол не соблюдался, и оба с трудом поддерживали общение... Но они были воспитанными людьми и делали над собой усилие, чтобы сохранить лицо. Веселились, чокались, обсуждали свой квартал. Кассирш во «Fraprix» – Филибер предпочитал блондинку, Камилле больше нравилась крашенная, с волосами темно-фиолетового цвета, обсуждали туристов, игру огней на Эйфелевой башне и собачьи какашки на газонах Марсового поля. Против всех ожиданий, ее гость оказался великолепным собеседником и дивным рассказчиком: он легко поддерживал разговор, у него в запасе была тьма забавных и приятных тем. Филибер обожал французскую историю и признался Камилле, что проводит большую часть своего времени в застенках Людовика XI, в передней у Франциска I, за столом средневековых ван-дейских крестьян или в тюрьме Консьержери с Марией-Антуанеттой – к этой женщине он питал истинную страсть. Камилла задавала тему или эпоху, а он сообщал ей массу пикантных деталей. О том, как одевались, как интриговали при дворе, какую пошлину платили или каким было подлинное генеалогическое древо Капетингов.

Это было очень забавно.

Ей казалось, что она вошла в Интернет, на сайт Алена Деко.

Вопрос. Ответ.

– Вы преподаватель или что-то в этом роде?

– Нет, я... Я... Я работаю в музее...

– Вы хранитель?

– Какое величественное слово! Нет, я занимаюсь коммерческими аспектами...

– Конечно... – Она кивнула. – Наверное, это очень увлекательно... В каком же музее?

– Я, так сказать, мигрирую... А вы?

– О, я... Увы, моя работа далеко не так интересна, я просиживаю время в конторе...

Заметив, что эта тема ей неприятна, Филибер тактично замолчал.

– Как вы относитесь к творогу с абрикосовым джемом?

– С превеликим удовольствием! А вы?

– Спасибо, пожалуй, нет, все эти русские закуски оказались такими сытными...

– Вы совсем не толстая...

Испугавшись, что произнес нечто обидное, он тут же добавил:

– Но вы... э-э... очень изящны... Лицом вы напоминаете мне Диану де Пуатье...

– Она была красива?

– О! Больше чем красива! – Он покраснел. – Я... Вы... Вы никогда не были в замке д'Анэ?

– Нет.

– Вам стоит туда съездить... Это дивное место, замок подарил Диане ее любовник, король

Генрих II...

– Как интересно...

– Это своего рода гимн их любви. Повсюду – в камне, мраморе, дереве и на ее могильной плите – переплетены их вензеля. Там чувствуешь такое волнение... Если я не ошибаюсь, баночки с кремами и щетки для волос так и сохранились в туалетной Дианы. Однажды я отвезу вас туда...

– Когда?

– Может быть, весной?

– Устроим там пикник?

– Само собой разумеется...

Они немного помолчали. Камилла пыталась не смотреть на дырявые башмаки Филибера, а он делал вид, что не замечает пятен плесени на стенах. Оба маленькими глоточками потягивали водку.

– Камилла...

– Да?

– Вы и правда постоянно здесь живете?

– Да.

– Но, э-э-э... а как же, э-э... Я имею в виду... Я говорю о... об удобствах...

– На площадке.

– Как?

– Хотите посетить?

– Нет-нет, я просто хотел узнать.

– Вы обо мне беспокоитесь?

– Нет... то есть... да... Здесь такая... спартанская обстановка, что...

– Какой вы милый... Но волноваться за меня не стоит... Правда... К тому же у меня теперь есть дивный камин!

Если она хотела успокоить его, то ей это явно не удалось.

– Сколько вам лет? Не считите мой вопрос за дерзость...

– Двадцать шесть. В феврале будет двадцать семь...

– Как моей младшей сестре...

– У вас есть сестра?

– Не одна – целых шесть!

– Шесть сестер!

– Да. И один брат...

– И вы живете один в Париже?

– Да... Вернее, не совсем один... У меня есть сосед по квартире...

– Вы хорошо ладите?

Филибер не ответил, и Камилла переспросила:

– Что, у вас не все гладко?

– О нет... все в порядке! И потом, мы почти не видимся...

– То есть?

– Скажем так: это не замок д'Анэ.

Она рассмеялась.

– Он работает?

– Только это он и делает. Работает, спит, работает, спит. А когда не спит, приводит девиц... Любопытный персонаж, разговаривать вообще не умеет, только орет. Мне трудно понять, что эти девицы в нем находят. У меня, конечно, есть кое-какие предположения.

– Чем он занимается?

– Он повар.

– Да ну? Но он хоть подкармливает вас вкусеньким?

– Никогда. Я ни разу не видел, чтобы он что-то делал на кухне. Разве что утром, когда он терзает мою бедную кофеварку...

– Он ваш друг?

– Боже, конечно, нет! Я нашел его по объявлению, у кассы в булочной, что напротив, висел листочек: *Молодой повар из ресторана «Vert Galant» снимет комнату, чтобы отдохнуть там днем во время перерыва.* Сначала он действительно приходил всего на несколько часов в день, а потом... в общем, он теперь тут живет.

– Вас это раздражает?

– Вовсе нет! Я даже сам это предложил... Понимаете, квартира несколько великовата для меня... И потом, он все умеет. Я даже лампочку поменять не могу, так что... А он мастер на все руки и отъявленный прохвост, клянусь честью... С тех пор как он здесь поселился, моя плата за электричество тает, как зимний снег на весеннем солнце...

– Он подкрутил счетчик?

– Да ему это раз плюнуть... Не знаю, какой он повар, но руки у него золотые. А поскольку в моем доме все давным-давно пришло в негодность... Нет... Он мне действительно очень нравится... Мы никогда толком не разговаривали, но у меня создалось впечатление, что он... Впрочем, я ни в чем не уверен... Порой у меня возникает ощущение, что я живу под одной крышей с монстром...

– Как в «Чужом»?

– Что, простите?

– Неважно. Проехали.

Поскольку Сигурни Уивер никогда не имела дела с королем, Камилла предпочла не углубляться...

Убирались они вместе. Увидев крошечную раковину, Филибер начал умолять Камиллу позволить ему самому вымыть посуду. Его музей по понедельникам закрыт, и делать ему завтра совершенно нечего...

Они церемонно распрощались.

– В следующий раз поужинаем у меня...

– С удовольствием.

– Увы, у меня камина нет...

– Неважно! Не всем повезло занять коттедж в Париже...

– Камилла...

– Да?

– Будьте осторожны, хорошо?

– Я постараюсь. Но и вы, Филибер...

– Я... Я...

– Что?

– Я должен вам признаться... Знаете, я ведь работаю не совсем в музее... Скорее, рядом с музеем... В магазинчике, так сказать... Я... Я продаю открытки...

– А я, знаете ли, работаю не совсем в офисе... И тоже, скорее, рядом... Я уборщица...

Они обменялись понимающими улыбками и расстались совершенно сконфуженные.

Оба были смущены, но на душе у каждого полегчало.

Этот ужин à la gusse очень удался.

12

– Что за звуки?

– Не обращай внимания, это старина Дюдюш...

– Да что он там делает? Можно подумать, собрался на кухне потоп устроить...

– Говорю тебе: плюнь, нас это не касается... Иди-ка сюда, поближе...

– Нет, оставь меня.

– Да ладно тебе... Не дуйся... Ты чего майку не снимаешь?

– Холодно.

– Ну иди, не ломайся.

– Какой он странный.

– Совсем чокнутый... Видела, как оделся «на выход»? Трость и шляпа эта клоунская...

Я даже подумал, он на маскарад намылился...

– И куда же он шел?

– По-моему, на свидание...

– С девушкой?!

– Вроде, хотя я не уверен... Забудь... Давай повернись, черт...

– Отвянь.

– Эй, Орели, ты меня достала...

– Аурелия, а не Орели.

– Аурелия, Орели – один черт. Ладно... А носки ты тоже на ночь не снимаешь?

13

Наплевав на строжайший запрет – *strictly forbidden*, – Камилла складывала одежду на ригеле камина, валялась в постели до упору, одевалась под одеялом и согревала пуговицы на джинсах в ладонях, прежде чем натянуть их на себя.

Пластиковый уплотнитель мало чем помог, и ей пришлось перетащить матрас на другое место, чтобы уберечь голову от чудовищного сквозняка. Теперь она спала у самой двери, так что выйти и войти было проблемой. Она то и дело тягала тюфяк туда-сюда, если требовалось

сделать три шага по комнате. Что за убожество, думала она, ну что за убожество... В конце концов она все-таки сломалась и начала писать в умывальник, держась за стену, потому что не рисковала трогать эту рухлядь. А уж о ее «турецких омовениях» лучше вообще умолчать...

Итак, она ходила грязной. Ну, может, грязной это сильно сказано, но не такой чистой, как обычно. Один или два раза в неделю она отправлялась к Кесслерам – когда была уверена, что их нет дома. Она знала расписание их экономки, которая всякий раз с тяжелым вздохом выдавала ей большое махровое полотенце. Все всё понимали. На прощанье ее всегда одаривали чем-нибудь вкусным или вручали еще одно теплое одеяло... Но однажды Матильда поймала ее на месте преступления, когда она сушила феном волосы.

– Не хочешь вернуться и пожить здесь какое-то время? Твоя комната свободна...

– Нет, спасибо, спасибо вам обоим, у меня все хорошо. Правда...

– Ты работаешь?

Камилла закрыла глаза.

– Да, да...

– Над чем? Тебе нужны деньги? Дай нам что-нибудь, Пьер заплатит аванс, ты же знаешь...

– Не могу. У меня нет ничего готового...

– А те картины, которые хранятся у матери?

– Не знаю... Их нужно разобрать... Не хочется возиться...

– Может, автопортреты?

– Они не продаются.

– Что именно ты сейчас делаешь?

– Так, всякие пустяки...

– Ты ходила на набережную Вольтера?

– Пока нет.

– Камилла...

– Да?

– Не хочешь выключить этот проклятый фен? Чтобы мы друг друга слышали...

– Я спешу.

– Чем ты на самом деле занята?

– Что ты имеешь в виду?

– Твою жизнь, конечно... Что за жизнь ты сейчас ведешь?

Чтобы никогда больше не отвечать на подобные вопросы, Камилла кубарем скатилась по лестнице и толкнула дверь первой попавшейся на пути парикмахерской.

14

– Побрейте меня, – попросила она молодого парикмахера, глядя на его отражение в зеркале.

– Не понял...

– Я хочу, чтобы вы побрили мне голову.

– Под «ноль»?

– Да.

– Нет. Я не могу этого сделать...

– Конечно, можете. Берите машинку – и вперед.

– Нет. Здесь вам не армия. В нашем заведении такого не делают... Так, Карло?

Карло за кассой читал «*Tierce Magazine*»⁶.

– Чего тебе?

– Вот, девушка хочет побриться наголо...

Карло махнул рукой, что означало «А мне плевать, я только что потерял десять евро в седьмом заезде, так что не доставайте...».

– Пять миллиметров...

– То есть?

– Я оставлю пять миллиметров, иначе вы за порог выйти не сможете.

– У меня есть шапочка...

– А у меня – принципы.

Камилла улыбнулась ему, кивнула в знак согласия и почувствовала, как лезвие со скрипом скользнуло по затылку. Пряди волос падали на пол, а она смотрела, как в зеркале появляется довольно странная личность. Она ее не узнавала и уже не помнила, как она выглядела минутой раньше. Плевать она на это хотела. Зато теперь будет меньше проблем с душем на лестничной клетке, и это единственное, что имеет значение.

«Ну что, – окликнула она свое отражение в зеркале, – ты этого хотела? Избавиться от проблем, пусть даже изуродовав и потеряв саму себя, лишь бы никогда и никому ничем не быть обязанной?»

Нет, серьезно... Так обстоит дело?»

Она провела ладонью по своему колючему черепу, и ей захотелось плакать.

– Нравится?

– Нет.

– Я вас предупреждал...

– Знаю.

– Они отрастут...

– Вы думаете?

– Уверен.

– Еще один ваш принцип...

– Могу я попросить у вас ручку?

– Карло...

– Ммм...

– Девушке нужна ручка...

– Мы принимаем чеки начиная с пятнадцати евро...

– Да нет, ей для другого...

Камилла взяла свой блокнот и нарисовала то, что отражалось в зеркале.

Лысая девица с жестким взглядом, держащая в руке карандаш разочарованного любителя скачек, за которой с любопытством наблюдает опирающийся на ручку метлы парикмахер. Она поставила под рисунком дату и встала, чтобы расплатиться.

– Это я, вот там?

– Да.

– Черт, вы классно рисуете!

– Пытаюсь...

---

⁶ Газета, посвященная скачкам и собачьим бегам.

15

Санитар – не тот, что приезжал в прошлый раз, Ивонна бы его узнала – как заведенный болтал ложечкой в своей чашке с кофе.

– Слишком горячий?

– Простите?

– Кофе... Он что, слишком горячий?

– Нет-нет, все хорошо, не беспокойтесь. Я должен составить отчет...

Полетта замерла в прострации на другом конце стола. Ее песенка была спета.

16

– У тебя были вши? – поинтересовалась Мамаду.

Камилла надевала халат. Разговаривать ей не хотелось. Внутри опять булжники, собачий холод на улице, все как-то зыбко.

– Ты что, дуешься на меня?

Она помотала головой, достала из подсобки свою тележку и направилась к лифтам.

– Ты на шестой?

– Топ-топ...

– А почему на шестом всегда убираешься именно ты? Это неправильно! Нельзя поддаваться! Хочешь, я поговорю с главной? Сама знаешь, мне плевать, пусть орет сколько влезет. Меня не проймешь.

– Спасибо, не стоит! Мне все едино – что шестой, что любой другой.

Девушки не любили убираться на шестом потому, что там находились кабинеты начальства и закрытые офисы. В других помещениях – Бредарша называла их «открытыми пространствами» – порядок наводился быстрее и проще. Достаточно было выбросить мусор из корзинок, расставить кресла вдоль стен и пройтись разок пылесосом. Там даже можно было особо не церемониться с мебелью – ей все равно место на свалке.

На шестом же этаже для каждой комнаты существовал набивший оскомину ритуал: выбросить мусор, вымыть пепельницы, освободить бумагорезки, протереть столы, не сдвигая при этом ни одной хреновины, да еще убрать прилегающие комнаты и секретарские предбанники. Эти девицы клеили куда ни попадя листочки с пожеланиями-повелениями, как будто обращались к собственной прислуге, хотя вряд ли у себя дома могли позволить себе такую роскошь... *Сделайте то, сделайте сё, в прошлый раз вы передвинули лампу и кое-что сломали, и ля-ля-тополя...* Подобные замечания страшно раздражали Карину и Самию, но абсолютно не колыхали Камиллу. Если тон записки был слишком уж резким, она делала внизу приписку: *Моя не понимает по-французски* – и приклеивала бумажку на экран компьютера.

На нижних этажах обитатели кабинетов – «белые воротнички» – худо-бедно, но наводили у себя порядок, а на шестом, очевидно, считалось особым шиком разбрасывать вещи, демонстрируя крайнюю степень усталости и нежелание покидать рабочее место и вместе с тем как бы напоминая, что хозяева могут в любой момент вернуться за свой стол, к исполнению своих обязанностей у Штурвала Управления Миром. Что ж, семь футов вам под килем, ребята, вздыхала Камилла. Пусть так... У каждого свои заморочки... Но один из этих типов, сидевший в последнем по левой стене кабинете, начал ей надоедать. Может, он и был большим начальни-

ком, но при этом оставался порядочной свиньей. Не кабинет, а настоящий свиарник, демонстрирующий полное презрение к окружающим.

Десятки, а может, и сотни раз она автоматически выбрасывала бесчисленные стаканчики, где плавали окурки, и собирала с пола огрызки недоеденных бутербродов, но сегодня вечером она решила, что хватит. Собрав все «отходы жизнедеятельности» этого типа – полоски использованного пластыря с прилипшими волосками, сопливые бумажные носовые платки, старую жвачку (он приклеивал ее к пепельнице), горелые спички и обрывки бумаги, – она сложила все в кучку на дивной красоты бюваре из кожи зебу и оставила записку: *Мсье, вы свинья! Я настаиваю, чтобы отныне вы соблюдали в кабинете чистоту.*

Р. С.: Взгляните под ноги, и вы увидите столь удобную вещь, которую называют корзиной для мусора... Она дополнила текст злой карикатурой, на которой поросенок в костюм-тройке заглядывал под стол, выясняя, что же под ним такое спрятано. Закончив, Камилла спустилась вниз помочь подругам в холле.

– Ты чего так развеселилась? – удивилась Карина.

– Да так.

– Чудная ты девка...

– Что у нас на очереди?

– Лестницы В...

– Опять? Да мы же их только что вымыли!

Карина пожала плечами.

– Ну ладно... Так что, идем?

– Нет. Нужно дождаться СуперЖози, она сделает сообщение...

– На тему?

– Без понятия. Вроде как мы слишком много материала расходуем...

– Надо же... На днях, помнится, она говорила прямо противоположное... Я пойду покурю на улице, присоединишься?

– Слишком холодно...

Камилла вышла одна, прислонилась к фонарю.

«...02-12-03... 00.34... -4 °С...» Светящиеся цифры бежали по верху витрины «Оптики» на противоположной стороне улицы.

Тут-то она и поняла, что ей следовало ответить Матильде Кесслер, когда та с ноткой раздражения в голосе спросила, на что похожа ее нынешняя жизнь.

«...02-12-03... 00.34... -4 °С...»

Вот.

Именно на это.

– Да знаю я! Прекрасно все знаю! Зачем вы так драматизируете? Ведь ничего страшного не случилось.

– Послушай-ка меня, малыш, для начала смени тон, не тебе меня учить. Я почти двенадцать лет ею занимаюсь, прихожу проведать по несколько раз в неделю, отвожу в город, забочусь. Двенадцать лет, понимаешь? До сегодняшнего дня ты не слишком стремился поучаствовать... Ты мне даже спасибо ни разу не сказал. Тебе и в голову не пришло меня поблагодарить, даже в тот раз, когда я нашла твою бабушку и отвезла ее в больницу, а потом навещала каждый день. Хоть бы раз позвонил, хоть бы один цветок прислал... Ладно, в конце концов, я делаю это не для тебя, а ради Полетты. Твоя бабушка – замечательная женщина... Она хороший человек,

понимаешь? Я тебя не осуждаю, мой мальчик, ты молод, у тебя своя жизнь, ты далеко живешь, но знаешь, иногда мне бывает очень трудно. У меня ведь семья, свои заботы и проблемы со здоровьем, и вот я говорю открытым текстом: пора тебе взять ответственность на себя...

– Хотите, чтобы я изуродовал ей жизнь, сдав на живодерню только потому, что она кастрюльку забыла на огне, да?

– Прекрати! Ты говоришь о ней так, словно она не человек, а собака!

– Да не о ней я говорю, не о ней, и вы прекрасно все понимаете! Сами знаете: если я помещу ее в дом престарелых, она этого не перенесет! Черт! Забыли, какой спектакль она устроила в последний раз?!

– Разве обязательно быть таким грубым?

– Извините, мадам Кармино, извините меня... У меня в голове все перепуталось... Я... Я не могу так с ней поступить, понимаете? Это все равно что убить ее...

– Если Полетта останется одна, она сама себя убьет...

– Ну и что? Может, так будет лучше?

– Ты смотришь на это по-своему, но я с тобой согласиться не могу. Не появись почтальон, дом сгорел бы, и проблема в том, что в следующий раз почтальона рядом может не оказаться... Как и меня, Франк... Как и меня... Дело зашло слишком далеко... Ответственность слишком велика... Всякий раз, направляясь к вам в дом, я со страхом спрашиваю себя, что меня там ждет, а в те дни, когда я у вас не бываю, мне не удается заснуть. Когда я звоню ей, а она не подходит, мне становится плохо, и я в конце концов всегда еду проверить, все ли в порядке. То, что с ней случилось, совсем выбило ее из колеи, она стала другим человеком. Весь день ходит в халате, не ест, молчит, не читает почту... Вчера я обнаружила ее в саду в одной комбинации... Бедняжка промерзла до костей... Я не живу, я все время жду беды... Нельзя оставлять ее в таком положении... Нельзя. Ты должен что-нибудь предпринять...

– ...

– Франк? Ты слышишь меня, Франк?

– Да...

– Ты должен смириться, мой мальчик...

– Нет. Я помещу ее в богадельню, потому что у меня нет выбора, но не просите меня смириться, этого я сделать не могу.

– Псарня, умиральня, богадельня... Почему бы тебе не называть это место «пансионом»?

– Потому что я знаю, чем все закончится...

– Не говори так, есть очень хорошие дома для престарелых. Мать моего мужа...

– А вы, Ивонна? Не могли бы вы взять уход за ней на себя? Я буду вам платить... Сколько скажете...

– Спасибо, мальчик, но я слишком стара. Я просто не могу взвалить на себя такую ответственность, мне ведь нужно ухаживать за Жильбером... А потом, Полетта должна быть под наблюдением врача...

– Я думал, вы подруги.

– Так и есть.

– Она ваш друг, но вы не моргнув глазом толкаете ее в могилу...

– Немедленно возьми свои слова назад, Франк!

– Все вы одинаковы... Вы, моя мать, да и все остальные! Говорите, что любите, но как только доходит до дела, линяете...

– Прошу тебя, не ставь меня на одну доску со своей матерью! Только не это! Какой же ты неблагодарный, мой мальчик... Неблагодарный и злой!

Она повесила трубку.

Было всего три часа дня, но Франк знал, что не заснет.

Он выдохся.

Он стукнул кулаком по столу, долбанул по стене, пнул все, что оказалось в пределах досягаемости...

Надел спортивный костюм и отправился бегать, но вынужден был приземлиться на первую же скамейку.

Сначала он слабо вскрикнул, будто его ущипнули, и вдруг почувствовал, что разваливается на части. Задрожал весь с головы до ног, в груди что-то защемило и прорвалось громким рыданием. Он не хотел, не хотел, будь все трижды проклято, но справиться с собой не мог. Он плакал, как ребенок, как несчастный дурак, как человек, собравшийся закопать в землю единственное в этом гребаном мире существо, любившее его. И которое любил он сам.

Он весь съезжился, раздавленный горем, весь в слезах и соплях.

Когда он наконец понял, что ничего не может с собой поделаться, он обмотал свитер вокруг головы и скрестил на груди руки.

Ему было больно, холодно и стыдно.

Он стоял под душем, закрыв глаза и подставив лицо, пока не кончилась горячая вода. Он боялся взглянуть на свое отражение в зеркале и порезался, бреясь вслепую. Он не хотел ни о чем думать. Не сейчас. Ему с трудом удалось взять себя в руки, и стоит хоть чуть-чуть дать слабину, как снова тысячи воспоминаний хлынут в голову. Свою бабулю он никогда в жизни не видел ни в каком другом месте, кроме этого дома. Утром в саду, все остальное время – на кухне, а вечером – сидящей у его кровати...

Ребенком он страдал бессонницей, а когда засыпал, ему снились кошмары, он кричал, звал бабушку, клялся, что, стоит ей закрыть дверь, как его ноги проваливаются в дыру и ему приходится цепляться за спинку кровати, чтобы удержаться и не упасть в эту дыру. Учителя рекомендовали Полетте показать мальчика психологу, соседи сочувственно качали головами и советовали отвести Франка к костоправу, чтобы тот поставил ему мозги на место. Муж Полетты, дед Франка, каждый раз пытался помешать ей бежать по первому зову в комнату внука. «Ты его балуешь! – так он говорил. – Именно ты его портишь! Пусть поноет – меньше будет писаться и в конце концов заснет, вот увидишь...»

Она всегда со всеми соглашалась, но делала по-своему. Наливала ему стакан подслащенного молока с капелькой апельсинового ликера, поддерживала голову, пока он пил, а потом садилась на стул рядом с его кроватью. Совсем рядом, у изголовья. Сидела, скрестив руки, вздыхала, а потом задремывала вместе с ним. Часто даже раньше него. Это было неважно: раз она тут, с ним, значит, все в порядке и он может вытянуть ноги...

– Предупреждаю, горячая вода кончилась... – процедил Франк.

– Как это неприятно... Я так смущен, ты...

– Да прекрати ты извиняться, черт тебя побери! Это я всю ее вылил, понятно? Я. Так что кончай извиняться!

– Прости, я не думал, что...

– Вот ведь идиотство... Ладно, если тебе в кайф терзать себя и терпеть, чтобы об тебя вытирали ноги, – дело твое...

Он вышел из комнаты и отправился гладить свою форму. Придется купить несколько новых форменных курток. Ему не хватает времени. Хронически не хватает. Ни на что не хватает, будь оно все трижды неладно!

У него был всего один свободный день в неделю, и он не станет проводить его в богадельне где-нибудь в тьмутаракани в обществе хныкающей бабки!

Филибер уже расположился в кресле со своими грамотами и гербами.

– Филибер...

– А?

– Слушай... э... Извиняюсь, что наорал на тебя, я... У меня неприятности, я на пределе, да к тому же устал как собака...

– Пустяки...

– Да нет, это важно.

– Важно, знаешь ли, другое: нужно говорить «извини меня», а не «извиняюсь». Ты не можешь извинять сам себя, с лингвистической точки зрения это некорректно...

Франк ошарашенно взглянул на него и покачал головой.

– Знаешь, ты и правда странный тип...

Уже стоя в дверях, он обернулся и буркнул:

– Эй... Залезь в холодильник, я там кое-что приволок. Кажется, это утка...

«Спасибо» Филибера повисло в пустоте. Наш гонщик стоял у выхода и ругался, как ломовой извозчик, – никак не мог найти свои ключи.

Он молча отработал смену, не моргнув глазом, когда шеф демонстративно забрал у него из рук кастрюльку, и только зубами скрипнул, когда официант вернул недостаточно прожаренное утиное филе, а потом принялся с такой силой драить плиту, как будто хотел снять с нее стружку.

Кухня опустела. Он сидел в углу и листал «Moto Journal», поджидая своего друга Кермадека, пока тот считал скатерти и салфетки. Тот наконец заметил его и мотнул головой в его сторону: мол, ты чего, старина?

Лестафье закинул голову назад и приложил палец к губам.

– Уже иду. Мне осталось всего ничего.

Они собирались сделать круг по барам, но Франк вусмерть нажрался уже во втором по счету.

Этой ночью он снова провалился в дыру. Не в ту, детскую. Совсем в другую.

18

– Я... это... Ну... я хотел извиниться... Попросить у вас...

– Что ты хотел у меня попросить, мой мальчик?

– Прощения...

– Да я давно тебя простила... Ты ведь сам не верил в то, что тогда говорил, но все же будь поосторожнее. Надо бережнее относиться к людям, которые к тебе расположены... В старости сам убедишься, что таких совсем мало...

– Знаете, я думал о том, что вы мне вчера сказали, и понял – чтоб у меня язык отсох! – что вы правы...

– Конечно, я права... Я хорошо знаю стариков – знаешь, сколько их вокруг меня...

– Ну тогда, э...

– В чем дело?

– А в том, что мне некогда всем этим заниматься – искать место и все такое...

– Хочешь, чтобы я взяла хлопоты на себя?

– Знаете, я могу заплатить...

- Не начинай снова грубить, дурачок. Я все сделаю, но сказать ей должен ты. Тебе придется объяснить Полетте ситуацию...
- Вы пойдете со мной?
- Пойду, если хочешь, но ей и так прекрасно известно мое мнение на этот счет... Я ее давно настраиваю...
- Нужно подыскать что-нибудь классное, так ведь? Чтобы комната была хорошая и чтобы обязательно парк...
- Знаешь, это будет очень дорого стоить...
- Насколько дорого?
- Больше миллиона в месяц...
- Ох... погодите, Ивонна, вы в каких деньгах считаете? У нас теперь евро в ходу...
- Ах да, евро... Ну а я уж как привыкла, так и считаю, и за хороший интернат придется выложить больше миллиона старых франков в месяц...
- ...
- Франк...
- Это... это все, что я зарабатываю...
- Тебе следует зайти в собес и попросить пособие, узнать, какая пенсия была у твоего деда, и подать документы в Совет на помощь, выделяемую иждивенцам и инвалидам.
- Но... Она ведь не инвалид...
- Может, и так, но ей придется разыграть спектакль, когда они пришлют инспектора. Полетта не должна выглядеть слишком бодрой, иначе вы почти ничего не получите...
- О черт, вот ведь хрень какая... Простите.
- Я заткнула уши.
- Я никогда не сумею заполнить все эти бумажки... Может, расчистите для меня площадку, хоть чуть-чуть?
- Не волнуйся, в следующую пятницу я буду в Клубе, уверена, все получится!
- Спасибо, мадам Кармино...
- Да не за что... Это самое малое, что я...
- Ладно, ладно, мне пора на работу...
- Я слышала, ты теперь шеф-повар?
- Кто вам сказал?
- Госпожа Мандель...
- А...
- Она до сих пор не забыла кролика по-королевски, которого ты приготовил для них в тот вечер...
- Не помню.
- Зато она помнит, уж ты мне поверь! Скажи-ка, Франк...
- Да?
- Я знаю, это не мое дело, но... Твоя мать...
- Что моя мать?
- Не уверена, но, возможно, нужно с ней связаться... Она могла бы взять часть расходов на себя...
- Теперь уже вы грубите, Ивонна... И не потому, что вы плохо ее знаете...
- Люди иногда меняются...
- Не она.
- ...
- Только не она... Ладно, я уже опаздываю, пошел...
- До свидания, мой мальчик.
- И...

- Да?
- Постарайтесь найти что-нибудь подешевле, ладно?
- Посмотрю, что удастся сделать, и сообщу тебе.
- Спасибо.

В тот день стоял такой холод, что Франк был даже рад вернуться на раскаленную кухню к своим каторжным обязанностям. Шеф пребывал в хорошем расположении духа. От посетителей отбою не было, кроме того, он только что узнал, что в одном из журналов вскоре будет напечатан положительный отклик на его заведение.

– В такую погоду, дети мои, будет спрос на фуа гра и хорошее вино! Конец салатам, зелени и прочей ерунде! Баста! Мне нужны красивые и сытные блюда, и я хочу, чтобы клиенты уходили от нас «тепленькими»! За дело! Подбавьте жару, дети мои!

19

Камилла с трудом спускалась по лестнице. Все тело ломило, голова раскалывалась от чудовищной мигрени. Словно кто-то воткнул нож ей в правый глаз и медленно проворачивал его при каждом движении. На первом этаже ей пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть. Ее била дрожь, она задыхалась и уже собралась было вернуться, но поняла, что просто не сумеет сейчас вскарабкаться на восьмой этаж, уж лучше она потащится на работу. В метро она по крайней мере сможет сесть...

Во дворе она столкнулась с медведем. Это оказался ее сосед, облаченный в длинную шубу.

- О, простите, мсье, – извинился он, – я... – Он поднял глаза. – Камилла, это вы?
- У нее не было сил отвечать, и она проскользнула у него под рукой.

– Камилла! Камилла!

Она уткнулась лицом в шарф и ускорила шаг. От проделанного усилия у нее мгновенно закружилась голова, и ей пришлось прислониться к билетному автомату.

– Камилла, вы в порядке? Боже мой, но... Что вы сделали с волосами? И как ужасно вы выглядите... Просто чудовищно! А ваши волосы? Ваши чудесные волосы...

– Мне нужно идти, я уже опаздываю...

– Но на улице собачий холод, дорогая! Почему вы без шапки, так можно умереть. Возьмите хотя бы мою...

Камилла попыталась улыбнуться.

– Она тоже принадлежала вашему дяде?

– Черт побери, конечно, нет! Скорее, прадеду – тому, который был рядом с *маленьким генералом*, во время русской кампании...

Он нахлобучил шапку ей на голову.

– Хотите сказать, эта штука побывала под Аустерлицем? – попыталась пошутить Камилла.

– Именно так! И на Березине, увы, тоже... Как вы бледны... Уверены, что хорошо себя чувствуете?

– Просто немного устала...

– Скажите, Камилла, у вас наверху не слишком холодно?

– Не знаю... Ладно, я... Я пойду... Спасибо за шапку.

В вагоне метро ее развезло от тепла, она заснула и проснулась только на конечной. Пересев на поезд, идущий в обратном направлении, она надвинула медвежью папаху на глаза, чтобы вволю поплакать от отчаяния и усталости. До чего отвратительно вонял этот старый мех...

Когда она наконец вышла на нужной станции, холод мгновенно пробрал ее до костей, и она вынуждена была присесть на скамейку на автобусной остановке, а потом прилегла и стала просить парня, стоящего рядом, найти ей такси.

Она доползла до своей комнаты и рухнула на матрас. У нее не было сил даже раздеться. В какое-то мгновение она подумала, что сейчас умрет. Кто об этом узнает? Кого это огорчит? Кто ее оплачет? У нее был жар, ее трясло, пот заливал тело, мгновенно превращаясь в ледяной саван.

20

В два часа ночи Филибер встал, чтобы попить воды. Кафельный пол на кухне был ледяным, ветер злобно бился в окно. Он постоял, глядя на пустынный проспект и бормоча под нос обрывки детских стишков... *Вот и пришла зима, убийца бедняков...* Термометр за окном показывал – 6°, и он не мог не думать о маленькой женщине наверху. Интересно, спит она или нет? И что бедняжка сотворила со своей прической?

Он должен был что-то сделать. Потому что не мог просто так ее там оставить. Но и решиться на что-либо было нелегко – ведь его воспитание, его хорошие манеры, его деликатность, наконец...

Прилично ли беспокоить девушку среди ночи? Как она это воспримет? И потом, возможно, она не одна... А если она лежит в постели? О нет... Об этом он предпочитал даже не думать... Ангел и дьявол бранились друг с другом на соседней подушке – точь-в-точь как в комиксах о Тентене⁷.

Впрочем... Персонажи выглядели несколько иначе...

Промерзший ангел говорил: «Послушайте, да она же умирает там от холода, эта малышка...», а другой отвечал, сложив крылья: «Знаю, друг мой, но так не поступают. Вы проведаете ее завтра утром. А теперь спите, прошу вас».

Он выслушал их перепалку, не вмешиваясь, перевернулся с бока на бок десять, нет – двадцать раз, потом попросил их умолкнуть и в конце концов отнял у болтунов подушку, чтобы не слышать их голосов.

В три часа пятьдесят четыре минуты он начал искать в темноте свои носки.

Полоска света под ее дверью придала ему мужества.

– Мадемуазель Камилла... – совсем тихо произнес он. И повторил чуть громче:

– Камилла? Камилла? Это Филибер...

Ему никто не ответил. Он сделал последнюю попытку, прежде чем отправиться восвояси. Он был уже в конце коридора, когда до него донесся какой-то полузадушенный всхлип.

– Камилла, вы там? Я беспокоился о вас и... Я...

– ... Дверь... открыта... – простионала она.

В ее каморке стоял лютый холод. Он с трудом протиснулся в дверь: мешал матрас, тут же споткнулся о кучу тряпок и опустился на колени. Приподнял одно одеяло, потом другое, старую перинку и обнаружил наконец ее лицо. Она была вся в поту.

Он положил ладонь ей на лоб.

– Да у вас высоченная температура! Вы не можете здесь оставаться... И одной вам быть нельзя... А где ваш камин?

---

⁷ Тентен – герой бельгийских комиксов, созданных в 1929 г.

- ... не было сил передвинуть...
- Вы мне позволите забрать вас отсюда?
- Куда?
- Ко мне.
- Не хочется двигаться...
- Я возьму вас на руки.
- Как прекрасный принц?

Он улыбнулся.

- Ну вот, теперь из-за жара у вас начинается бред...

Он оттащил тюфяк на середину комнаты, снял с нее тяжеленные башмаки и как можно осторожнее взял ее на руки.

– Увы, я не такой сильный, как настоящий принц... Э-э-э... Не могли бы вы попытаться обнять меня за шею?

Она уронила голову ему на плечо, и он поразился терпкому запаху, исходившему от ее затылка.

Похищение красавицы выглядело совсем не героически. Филибера заносило на поворотах, и он чудом не падал на каждой ступеньке. К счастью, он сообразил взять ключ от черного хода, так что спускаться пришлось всего на три этажа. Он прошел через кладовку, кухню, раз десять чуть не уронил ее в коридоре, но в конце концов все-таки уложил на кровать своей тетушки Эдме.

– Послушайте, я должен вас чуточку раскрыть... раздеть... Я... Ну, вы... Знаете, это так неловко...

Она закрыла глаза.

Ладно.

Филибер Марке де ла Дурбельер попал в критическую ситуацию.

Он вспомнил о подвигах предков, но Конвент⁸ 1793 года, взятие Шоле⁹, мужество Катлино¹⁰ и доблесть Ларошжаклена¹¹ внезапно показались ему ничтожными...

Разгневанный ангел сидел теперь у него на плече со справочником баронессы Стафф¹² под мышкой и разглагольствовал, не закрывая рта: «Итак, друг мой, вы очень собой довольны? Ах, наш доблестный рыцарь! Поздравляю... И что теперь? Что ты теперь будешь делать?» Филибер пребывал в полной растерянности.

– Пить... – прошептала Камилла.

Ее спаситель ринулся на кухню, но там его поджидал второй брюзга – сидел на краю раковины, болтая ножками: «О да! Вперед, славный рыцарь! А как же дракон? Вы разве не собираетесь сразиться с драконом?» «Да заткнись ты!» – выпалил Филибер. И сам себе удивился, но на душе стало легче, и он с легким сердцем вернулся к постели больной. Оказывается, выругаться не так уж и трудно. Франк был прав. Взбодрившись и повеселев, он напоил ее и, собрав волю в кулак, раздел.

Сделать это оказалось нелегко, укутана она была как капуста. Сначала он снял с нее пальто, джинсовую куртку, потом один свитер, другой, водолазку и наконец что-то вроде

---

⁸ Имеется в виду жирондистский Конвент 1792–1793 гг.

⁹ Место, где проходили главные сражения Вандейской войны 1793–1794 гг.

¹⁰ Катлино Жак (1759–1793) – один из вандейских вождей, смертельно раненный во время штурма Нанта, которым руководил.

¹¹ Ларошжаклен Анри дю Вержье, граф (1772–1794). Вандейский вождь. Пал в бою.

¹² Широко известный классик XIX века, автор ряда книг о хороших манерах и правилах поведения в обществе.

рубашки с длинными рукавами. Так, сказал он себе, рубашку оставлять нельзя, она насквозь промокла... Ладно, тем хуже, я увижу ее... Ее... Лифчик... Ужас! Святые угодники! Она не носит лифчика! Он рывком натянул простыню ей на грудь. Хорошо... Так, теперь низ... С этим он справился спокойнее, он действовал на ошупь, под одеялом. Филибер изо всех сил потянул за джинсы. Благодарение Богу – трусики остались на месте!

– Камилла, вы сумеете сами принять душ?

Она ему не ответила.

Он обреченно покачал головой, отправился в ванную, налил в кувшин горячей воды, добавил несколько капель одеколona и вооружился махровой варежкой.

Мужайся, солдат!

Он отвернул простыню и начал обтирать ее – сначала робко, едва касаясь варежкой кожи, потом все смелее и энергичнее.

Он протер голову, шею, лицо, спину, подмышки и грудь – что поделаешь, надо, значит, надо, тем более что «это» и грудью-то можно было назвать с большой натяжкой! Живот и ноги. Со всем остальным – Бог свидетель! – она разберется сама... Он отжал варежку и положил ее Камилле на лоб.

Теперь ему понадобится аспирин... Он так сильно дернул на себя ящик кухонного буфета, что все его содержимое высыпалось на пол. Ч-ч-черт! Аспирин, аспирин...

Франк стоял в дверях, почесывая живот под майкой.

– Уй-я-я-я, – зевнул он, – что здесь творится? Что за бардак?

– Я ищу аспирин...

– В шкафу...

– Спасибо.

– Голова болит?

– Нет, это для подруги...

– Для девчонки с восьмого этажа?

– Да.

Франк захихикал.

– Погоди-ка, ты был с ней? Ходил наверх?

– Да. Пропусти, пожалуйста.

– Постой, поверить не могу... Значит, ты наконец оскоромился!

Пока Филибер шел по коридору, в спину ему звучали насмешки Франка:

– Она тебе что, с первого же раза мигрень закатила? Ну, парень, ты влип...

Филибер закрыл за собой дверь, обернулся и вполне явственно произнес: «Заткнись сам...»

Он подождал, пока таблетка растворилась, и побеспокоил Камиллу в последний раз. Ему показалось, что она прошептала слово «папа...». А может, просто пыталась объяснить, что больше не хочет пить. Он ни в чем не был уверен.

Филибер снова намочил варежку, отдернул простыню и на мгновение застыл.

Лишившийся дара речи, напуганный и очень гордый собой.

Да, гордый собой.

21

Камиллу разбудила музыка U2. Она решила, что все еще у Кесслеров, и снова попыталась заснуть. Мысли путались. Нет, нет, ерунда какая-то... Ни Пьер, ни Матильда, ни их горничная не могли вот так, на полную катушку, врубить Боно. Что-то здесь не сходится... Она медленно открыла глаза, застонав от страшной головной боли, и несколько минут привыкала к полумраку, пытаясь хоть что-нибудь опознать в комнате.

Да где же она, наконец? Что с ней случилось?..

Она повернула голову. Все ее тело протестовало и упиралось. Мышцы, суставы и тощая плоть не желали совершать никаких движений. Она сжала зубы и слегка приподнялась. Ее била дрожь, она снова покрылась липким потом.

Кровь стучала в висках. Мгновение она сидела не двигаясь, с закрытыми глазами, дожидаясь, когда утихнет боль.

Она вновь осторожно приоткрыла глаза и обнаружила, что лежит в очень странной кровати. Дневной свет едва просачивался через щелочки во внутренних ставнях, скрытых тяжелыми бархатными гардинами, наполовину соскочившими с карниза и уныло свисавшими по обе стороны окна. У противоположной стены красовался мраморный камин, увенчанный древним зеркалом. Стены спальни были затянуты тканью с цветочным рисунком, но тонов Камилла различить не могла. Повсюду висели картины. Одетые в черное мужчины и женщины на портретах, казалось, не меньше Камиллы были удивлены ее присутствием в этой комнате. Она повернула голову к ночному столику и заметила красивейший резной графин, а рядом – стеклянный стаканчик из-под горчицы «Скубиду». Она умирала от жажды, но не решилась налить себе воды из антикварной посуды – кто знает, в каком веке ее наливали?

Да где же она, черт побери, и кто притащил ее в этот музей?

К подсвечнику был прислонен сложенный вдвое листок: *Я не решился побеспокоить вас сегодня утром и отправился на работу. Вернусь к семи. Ваша одежда на кресле. В холодильнике утка, в изножье кровати – бутылка минеральной воды. Филибер.*

Филибер? Что она забыла в постели этого парня?

Караул.

Она собралась, пытаясь восстановить в памяти невероятную картину вчерашнего ночного загула, но вспомнила только бульвар Брюн, автобусную остановку и какого-то типа в темном пальто, которого умоляла вызвать ей такси... Неужели это был Филибер? Нет, но... Да нет, конечно, не он, она бы вспомнила...

Кто-то выключил музыку. Она услышала шаги, ругательства, хлопнула одна дверь, потом другая, и все стихло. Наступила тишина.

Ей до смерти хотелось писать, но она выждала еще несколько минут, прислушиваясь к малейшему шуму и ужасаясь самой мысли о том, что придется сдвинуть с места свои несчастные кости.

Она откинула простыни и приподняла одеяло, показавшееся ей тяжелее дохлого осла.

Ее пальцы поджались от соприкосновения с полом. На краю ковра стояли кожаные шлепанцы. Она встала, поняла, что на ней куртка от мужской пижамы, сунула ноги в тапочки и накинула на плечи свою джинсовую куртку.

Осторожно повернула ручку двери, оказалась в огромном, метров пятнадцать в длину, и очень темном коридоре и отправилась на поиски туалета...

Нет, это шкаф, здесь – детская с двумя кроватками и старой-престарой лошадкой-качалкой. А тут... Она не знала... Возможно, кабинет? На столе перед окном было так много книг, что они загорали свет. На стене висели сабля, белый шелковый шарф и вдетый в латунное кольцо конский хвост. Настоящий лошадиный хвост. Странноватая реликвия...

Ура! Вот он, сортир...

Щеколда и ручка слива были из дерева, а толчок, учитывая его возраст, наверняка повидал не одно поколение задниц в кринолинах... На секунду у Камиллы зародились сомнения, но оказалось, что все функционирует идеально. Когда она спустила воду, раздался ошеломляющий шум. Прямо грохот Ниагарского водопада...

У Камиллы кружилась голова, но она продолжила путешествие в поисках аспирина и вошла в комнату, где царил неопиcуемый бардак. Повсюду была разбросана одежда, вперемешку с газетами, журналами, пустыми бутылками и ворохом бумаг: квитанции, чеки, инструкции от бытовых приборов и грозные уведомления из Казначейства. На прелестной кровати эпохи Людовика XVI валялось безобразное пестрое одеяло, а на маркетри ночного столика – курительные принадлежности. Здесь пахло хищником...

Кухня в самом конце коридора оказалась холодной, серой и унылой, черные плитки бордюра оттеняли выцветший кафель стен. Рабочие поверхности столов были из мрамора, шкафчики пустовали. Ничто – разве что древний холодильник – не навело на мысль о том, что дом обитаем... Она нашла упаковку лекарства и опустилась на пластиковый стул. Высота потолка завораживала. Внимание Камиллы привлек белый цвет стен. Краска, должно быть, старинная, на базе свинцовых белил, годы придали ей нежную патину, этот цвет не назовешь «грязно-белым» или «цветом яичной скорлупы», скорее, «белый молочной рисовой каши» или «сладкого молочного пудинга»... Камилла мысленно смешала несколько красок и пообещала себе вернуться сюда с двумя-тремя тюбиками и проверить. На обратном пути она заблудилась и испугалась, что никогда не отыщет свою комнату. Найдя наконец нужную дверь, она скользнула внутрь, рухнула на кровать, подумала было позвонить на работу, но мгновенно провалилась в сон.

22

- Ну как дела?
- Это вы, Филибер?
- Да...
- Я что, в вашей постели?
- В моей постели?.. Но, но... Конечно, нет, что вы... Я бы никогда...
- Так где же я?
- В квартире моей тети Эдме, тетюшки Ме – для близких... Как вы себя чувствуете, дорогая?
- Без сил. Так, словно побывала под асфальтоукладчиком...
- Я вызвал врача...
- Ох, ну зачем?!
- То есть как это зачем?
- Ну... Вообще-то... Вы правильно поступили... Мне в любом случае понадобится освобождение от работы...
- Я поставил подогреваться суп...

- Не хочу есть...
- Придется себя заставить. Вам понадобятся силы, иначе организм не сможет изгнать вирус... Чему вы улыбаетесь?
- У вас прямо Столетняя война получается...
- Надеюсь, вы свою битву выиграете скорее! Ага, звонят... Должно быть, врач...
- Филибер...
- Да?
- У меня при себе ничего нет... Ни чековой книжки, ни денег, совсем ничего...
- Не беспокойтесь. С этим мы разберемся позднее... После заключения мира...

23

- Ну что?
- Она спит.
- ...
- Она член вашей семьи?
- Она мой друг...
- В каком смысле?
- Она... она моя соседка... соседка и друг, – смешался Филибер.
- Вы хорошо ее знаете?
- Нет. Не слишком.
- Она живет одна?
- Да.
- Врач поморщился.
- Вас что-то беспокоит?
- Можно сказать и так... У вас есть стол? Я должен присесть.
- Филибер провел его на кухню. Врач достал рецептурные бланки.
- Вы знаете ее фамилию?
- Кажется, Фок...
- Вам кажется или вы уверены?
- Возраст?
- Двадцать шесть лет.
- Это точно?
- Да.
- Она работает?
- Да, в конторе по обслуживанию помещений.
- Простите?
- Она убирается в конторах и офисах...
- Мы говорим об одном и том же человеке? О молодой женщине, которая отдыхает сейчас в большой старинной кровати в последней по коридору комнате?
- Да.
- Вам известен ее распорядок дня?
- Она работает по ночам.
- По ночам?
- Вечерами... Когда служащие уходят...
- Вас, кажется, что-то беспокоит? – робко поинтересовался Филибер.
- Угадали. Ваша подружка на грани... Ее силы на исходе... Вы это понимаете?

– Нет, то есть да, конечно... Я замечал, что она плохо выглядит, но я... Знаете, я ведь не так уж хорошо ее знаю, я... Прошлой ночью я отправился к ней в комнату, потому что там нет отопления и...

– Слушайте, я буду с вами откровенен: учитывая полную анемию, вес и давление пациентки, я мог бы немедленно забрать ее в больницу, но как только я об этом заговорил, она впала в такое отчаяние... У меня нет истории болезни, понимаете? Мне неизвестны ни ее прошлое, ни анамнез, и я не хочу форсировать события, но как только ей станет лучше, она должна будет немедленно пройти обследование, это совершенно необходимо.

Филибер в отчаянии заломил руки.

– Но главное для нее сейчас – набраться сил. Вы должны силой заставить ее есть и спать, иначе... Так, я даю ей больничный на десять дней. Вот рецепты на долипран и витамин С, но повторяю: никакие лекарства не заменят хорошего антрекота с кровью, тарелки спагетти, свежих овощей и фруктов, понимаете?

– Да.

– У нее есть родственники в Париже?

– Не знаю. А почему у нее такая высокая температура?

– Тяжелый грипп. Наберитесь терпения... Следите, чтобы она не потела, берегите ее от сквозняков и заставьте вылежаться дня три-четыре...

– Хорошо...

– Что-то у вас очень встревоженный вид: я, конечно, сгустил краски... хотя... не так уж и сильно... Вы справитесь?

– Да.

– Скажите-ка, это ваша квартира?

– Э-э-э... да...

– И сколько тут квадратных метров?

– Триста – или чуть больше...

– Ну-ну! – присвистнул врач. – Возможно, я покажусь вам бестактным, но скажите, чем вы занимаетесь в этой жизни?

– Спасаясь от всемирного потопа.

– Что-что?..

– Да нет, ничего. Сколько я вам должен, доктор?

24

– Камилла, вы спите?

– Нет.

– У меня для вас сюрприз...

Он открыл дверь и вошел, толкая перед собой искусственный камин.

– Я подумал, это доставит вам удовольствие...

– О... Как это мило, но я ведь тут не останусь... Завтра вернусь к себе...

– Нет.

– Как это нет?

– Вы подниметесь в свою комнату, когда потеплеет, а пока останетесь здесь и будете отдыхать, так велел доктор. А он дал вам бюллетень на десять дней...

– Так надолго?

– Вот именно...

– Я должна его отослать...

– Простите?

– Бюллетень...

- Я схожу за конвертом.
- Нет, но... Я не хочу оставаться здесь так надолго, я... Я не хочу.
- Предпочитаете, чтобы вас забрали в больницу?
- Не шутите с этим...
- Я не шучу, Камилла.
- Она заплакала.
- Вы им не позволите, правда?
- Помните войну в Вандее?
- Ну-у... Не так чтобы очень... Нет...
- Я принесу вам книги... Не забывайте: вы в доме Марке де ла Дурбельеров, и синих здесь не боятся!
- Синих?
- Республиканцев. Они хотят упрятать вас в общественное заведение, не так ли?
- Куда же еще...
- Значит, вам нечего опасаться. Я буду поливать санитаров кипящим маслом с верхней ступеньки лестницы!
- Вы совсем чокнутый...
- Все мы таковы, разве нет? Зачем вы побрили голову?
- Потому что у меня больше не было сил мыться на лестнице...
- Помните, что я рассказывал вам о Диане де Пуатье?
- Да.
- Так вот, я кое-что откопал в своей библиотеке, подождите, я сейчас...

Он вернулся с потрепанным томиком карманного формата, присел на край кровати, откашлялся и начал читать:

– Весь двор – само собой разумеется, за исключением госпожи д’Этамп (я сейчас объясню почему) – находил ее восхитительно красивой. Копировали ее походку, манеру держаться, прически. Именно она установила каноны красоты, к которым сто лет подряд яростно пытались приблизиться все женщины. Считаем до трех!

Белые: кожа, зубы, руки.

Черные: глаза, ресницы, веки.

Красные: губы, щеки, ногти.

Длинные: тело, волосы, руки.

Короткие: зубы, уши, ступни.

Узкие: рот, талия, щиколотки.

Пышные: плечи, ляжки, бедра.

Маленькие: соски, нос, голова.

Красиво сказано, не правда ли?

– И вы находите, что я на нее похожа?

– Да, по некоторым критериям...

Он покраснел, как помидор.

– Не... не по всем, конечно, но вы... видите ли... все дело в том, как вы держитесь, вы так изящны...

– Это вы меня разделите?

Очки упали ему на колени, он начал заикаться, как безумный:

– Я... я... Ну да... я... Очень щеломудренно, кля... клянусь вам... сссна... чала... я... я... нак... на... накрыл вас простыней, я...

Она протянула ему очки.

– Эй, не сходите с ума! Я просто спросила... Э-э-э... Он тоже участвовал в процедуре – тот, другой?

– К... Кто т... тот?

– Повар?

– Нет. Конечно, нет, о чем вы говорите...

– И то слава богу... Оооо... Как болит голова...

– Я сбегая в аптеку... Вам нужно что-нибудь еще?

– Нет. Спасибо.

– Очень хорошо. Да, вот еще что... У нас нет телефона... Но, если вы хотите кого-нибудь предупредить, у Франка есть сотовый и...

– Спасибо, не беспокойтесь. У меня тоже есть сотовый... Только нужно забрать зарядное устройство из моей комнаты...

– Я схожу, если хотите...

– Нет-нет, мне не к спеху...

– Хорошо.

– Филибер...

– Да?

– Спасибо.

– Ну что вы...

Он стоял перед ней – длиннорукий, в слишком коротких брюках и слишком узком пиджаке.

– Впервые за долгое время обо мне так заботятся...

– Перестаньте...

– Но это правда... Я имела в виду... заботятся, ничего не ожидая взамен... Потому что вы... Вы ведь ничего не ждете, я не ошиблась?

– Нет, да что вы... что вы сссе... себе вообразили?! – вознегодовал Филибер.

Но она уже закрыла глаза.

– Ничего я не вообразила. Просто констатирую факт: мне нечего вам предложить.

25

Она потеряла счет времени. Какой сегодня день? Суббота? Воскресенье? Так крепко и так сладко она не спала очень много лет.

Филибер пришел предложить ей супу.

– Я встану. Пойду с вами на кухню...

– Уверены?!

– Ну конечно! Я же не сахарная!

– Ладно. Но в кухне слишком холодно, подождите меня в маленькой голубой гостиной...

– Где...

– Ах да, конечно... Какой же я глупец! Сегодня она пуста, и ее трудно назвать голубой...

Это та комната, что смотрит на входную дверь...

– Та, где стоит диванчик?

– Ну, диванчик – это громко сказано... Франк нашел его однажды вечером на тротуаре и затащил наверх с помощью приятеля... Он ужасно уродливый, зато очень удобный, не могу не признать...

– Скажите, Филибер, что это за квартира? Кто здесь хозяин? И почему вы живете словно сквоттер¹³?

– Простите, но я не понял...

– Такое впечатление, что вы разбили походный лагерь.

– А, это мерзкая история с наследством... Такие случаются сплошь и рядом... Даже в лучших семьях, знаете ли...

Он выглядел искренне огорченным и раздосадованным.

– Это квартира моей бабушки по материнской линии, она умерла в прошлом году, и отец попросил меня поселиться здесь, пока не улажены формальности с наследством, чтобы эти, как вы их там назвали, не заняли ее самовольно.

– Сквоттеры?

– Вот-вот – сквоттеры! Это не какие-нибудь парни-наркоманы с булавкой в ноздре, а люди, которые одеты куда лучше, зато ведут себя не слишком элегантно... Я говорю о моих кузенах...

– Они претендуют на эту квартиру?

– Думаю, бедолаги даже успели потратить деньги, которые собирались выручить за нее! И так, у нотариуса собрался семейный совет. В результате меня назначили консьержем, сторожем и ночным портье. Ну, вначале они, конечно, предприняли несколько попыток устрашения... Много мебели испарилось, я не раз общался с судебными исполнителями, но теперь все как будто наладилось. Теперь делом занимаются семейный поверенный и адвокаты...

– И надолго вы здесь?

– Не знаю.

– И ваши родители не возражают против того, что вы пускаете сюда незнакомых людей – вроде повара и меня?

– Думаю, о вас им знать не обязательно... Что до Франка, они были даже рады... Им известно, какой я недотепа... И потом, они вряд ли ясно представляют себе, кто он такой... К счастью! Полагают, что я встретил его в приходской церкви!

Он засмеялся.

– Вы им солгали?

– Скажем так: я был... по меньшей мере уклончив...

Она так исхудала, что могла бы заправить рубашку в джинсы не расстегивая их.

Она стала похожа на призрак и состроила себе рожу в зеркале, чтобы убедиться в обратном, обмотала вокруг шеи шелковый шарф, надела куртку и отправилась в путешествие по немыслимому османновскому лабиринту.

В конце концов она отыскала жуткий продавленный диванчик и, обойдя комнату по кругу, увидела в окно заиндевевшие деревья на Марсовом поле.

А когда она обернулась, спокойно, с еще затуманенной головой, держа руки в карманах, то вздрогнула и невольно по-идиотски вскрикнула.

Прямо за ее спиной стоял одетый с ног до головы в черное верзила в сапогах и мотоциклетном шлеме.

– Э-э-э, здравствуйте... – проблеяла она.

Он не ответил, повернулся и вышел в коридор.

В коридоре он снял шлем и вошел в кухню, приглаживая волосы.

– Эй, Филу, это что еще за тетка в гостиной? Один из твоих дружков-бойскаутов или как?

– О ком ты?

---

¹³ Сквоттеры – люди, самовольно вселяющиеся в пустующие квартиры или дома.

– О педике, который прячется за моим диваном...

Филибер, который и так уже был на нервах из-за своего полного кулинарного бессилия, разом утратил аристократическую невозмутимость.

– Педика, как ты изволил выразиться, зовут Камилла, – прошипел он. – Она мой друг, и я прошу тебя вести себя прилично, потому что она поживет у меня еще некоторое время...

– Ну тогда ладно... Не волнуйся. Значит, это девушка? Мы об одном и том же... типе говорим? Такой лысый задохлик?

– Уверяю тебя, она девушка...

– Точно?

Филибер прикрыл глаза.

– Он твоя подружка? Тьфу ты, я хотел сказать «она». Что ты пытаешься ей сварганить?

Портянки в масле?

– Представь себе, суп...

– Вот это? Суп?

– Именно. Суп из лука-пороя с картошкой от Либига...

– Дерьмо это, а не суп. Кроме того, он у тебя подгорел, так что получится рвотный порошок... Что еще ты туда положил?! – с ужасом спросил он, приподняв крышку.

– Э-э-э... «Веселую корову»¹⁴ и гренки...

– Но зачем?

– Врач... Он сказал, что она должна набраться сил...

– Ну знаешь, если она будет «набираться сил», поедая вот это варево, то сразу отбросит коньки! – И он достал из холодильника пиво и отправился к себе.

Когда Филибер присоединился к своей протее в гостиной, она все еще пребывала в некоторой растерянности.

– Это он?

– Да, – шепнул Филибер, пристраивая большой поднос на картонную коробку.

– Он что, никогда не снимает свой шлем?

– Снимает, но вечером по понедельникам он всегда бывает невыносим... Вообще-то, в этот день я стараюсь с ним не пересекаться...

– Он слишком устает на работе?

– Как раз наоборот – по понедельникам он не работает... Не знаю, чем он занимается...

Уезжает рано утром, а возвращается всегда в жутком настроении... Полагаю, семейные проблемы... Прошу вас, ешьте, пока не остыло...

– А... что это?

– Суп.

– Да? – изумилась Камилла, пытаясь перемешать странную похлебку.

– Суп по моему рецепту... Своего рода борщ, если хотите...

– Ага, понимаю... Замечательно... Борщ... – со смехом повторила она.

И на этот раз опять же все было непросто.

---

¹⁴ Плавленный сыр.

Часть вторая

1

– Есть минутка? Надо поговорить...

Филибер всегда пил за завтраком шоколад, и самым большим удовольствием для него было выключить газ в последнее мгновение, не дав молоку убежать. Это была его ежедневная маленькая победа, а вовсе не ритуал и не мания. Подвиг, невидимый миру триумф. Молоко оседало, и день мог начинаться: он владел ситуацией.

Но в то утро Филибер, растерянный и даже раздраженный тем, каким тоном говорил с ним Франк, повернул не ту ручку. Молоко убежало, и по комнате мгновенно распространился неприятный запах.

– Прости, что ты сказал?

– Сказал, надо поговорить!

– Ну давай, – спокойно ответил Филибер, ставя кастрюльку отмокать, – я тебя слушаю...

– Она здесь надолго?

– Не понял...

– Слушай, кончай прикидываться. Твоя подружка, она надолго задержится?

– На столько, на сколько сама захочет...

– Ты по уши в нее влюблен, так ведь?

– Нет.

– Врешь. Я же вижу твои приемчики! Великосветские манеры, аристократическая изысканность и все такое прочее...

– Ревнуешь?

– Черт, да нет же! Этого только не хватало! Чтобы я – я! – ревновал к этому скелету? Разве у меня на лбу написано «аббат Пьер»¹⁵, а?! – съязвил он.

– Завидуешь ты не мне, а ей. Может, тебе здесь тесновато и у тебя нет ни малейшего желания передвинуть свой стаканчик с зубной щеткой на несколько сантиметров вправо?

– Ну вот, так я и знал... Сплошные изыски... Стоит тебе рот открыть, и мне всякий раз кажется, что все твои слова, должно быть, где-то записаны, – уж больно складно говоришь!

– ...

– Да нет, погоди, я все понимаю – это твой дом, никто не спорит. Ты приглашаешь кого хочешь, оставляешь ночевать кого хочешь, можешь даже устраивать тут благотворительные ужины – не возбраняется! – но елки-палки... Нам ведь хорошо было вдвоем, разве нет?

– Ты полагаешь?

– Вот именно, полагаю! Согласен, у меня тот еще характер, у тебя – собственные тараканы в голове, и дурацкие мании, и невроты, но в целом все шло неплохо... до сегодняшнего дня...

– А с чего ты взял, что что-то должно измениться?

– Ннну... Сразу видно – не знаешь ты баб... Эй, без обид, идет? Это ведь правда... Приведи куда-нибудь девчонку – и тут же получишь полный бардак, старик... Все сразу усложняется, начинается жуткое занудство, и вот ты уже готов своему корешу в горло вцепиться... Ты чего ухмыляешься, а?

---

¹⁵ Пьер Анри Грузе, именуемый аббат Пьер (Лион, р. 1912), французский священник. В 1949 г. основал движение взаимопомощи «Эммаус». Сообщество очень скоро стало международным.

– Да потому, что ты изъясняешься как... Как ковбой... Для меня открытие, что я – твой... кореш.

– Ладно, замнем для ясности. Но ты мог бы меня предупредить, только и всего.

– Я собирался.

– Когда?

– Да вот, за шоколадом, если бы ты дал мне возможность его приготовить...

– Извиняюсь... То есть нет, черт возьми, я же не могу сам себя извинять, ведь так?

– Совершенно верно.

– Уходишь на работу?

– Да.

– Я тоже. Пошли. Угощу тебя шоколадом внизу.

Уже во дворе Франк выложил свой последний козырь:

– Мы ведь даже не знаем, кто она такая... Ни откуда взялась...

– Я тебе покажу... Пойдем.

– Ццц... Даже не рассчитывай, что я потащусь пешком на восьмой этаж...

– Вот именно что потащишься. Я на тебя рассчитываю. Пойдем!

Впервые за все время их знакомства Филибер его о чем-то попросил. Он для порядка пробурчал себе под нос несколько ругательств и пошел вслед за ним по черной лестнице.

– Черт, как же здесь холодно!

– Это еще что... Увидишь, что будет под крышей...

Филибер снял замок и толкнул дверь.

Несколько секунд Франк молча стоял на пороге.

– Она здесь живет?

– Да.

– Уверен?

– Пошли, покажу тебе кое-что еще...

Он отвел его в другой конец коридора, ударил ногой в раздолбанную дверь и прокомментировал:

– Ее ванная... Внизу туалет, наверху – душ... Согласись – изобретательно...

По лестнице они спускались молча.

Франк снова обрел дар речи только после третьей чашки кофе:

– Ладно, только вот что... Объясни ей, как для меня важно высыпаться во второй половине дня...

– Обязательно скажу. Мы вместе скажем. Не думаю, что возникнут проблемы, потому что она тоже будет спать...

– С чего бы это?

– Она работает по ночам.

– Чем занимается?

– Убирается.

– Не понял...

– Она уборщица...

– Ты уверен?

– Зачем бы она стала меня обманывать?

– Да не знаю... Всякое случается... Может, она девушка по вызовам...

– Ну, в таком случае, у нее было бы побольше... Округлостей... Согласен?

– Ты прав... Эй, а ты не дурак, старик! – Франк с размаху шлепнул его по спине.

– О... о... Осторожно, ты... я... уронил круассан, и... и... идиот... Теперь он по... похож на старую медузу...

Франк не слушал – он читал заголовки в «Паризьен», которая лежала на стойке.

Они заговорили одновременно.

– Скажи-ка...

– Да?

– У нее нет семьи, у этой птички?

– Знаешь, – ответил Филибер, завязывая шарф, – это тот самый вопрос, который я никак не решался задать тебе...

Франк поднял на него глаза и улыбнулся.

Добравшись до своего рабочего места, он попросил помощника отлить ему бульона «на потом».

– Эй...

– Что?

– Проследи, чтобы был наваристый, ладно?

2

Камилла решила, что перестанет принимать ежевечернюю половинку таблетки лексомила, который прописал ей врач. Во-первых, она больше не могла выносить того полукоматозного состояния, в котором пребывала все последнее время, а во-вторых – не хотела допустить ни малейшего риска привыкания. Все свое детство она наблюдала за матерью, впадавшей в истерику при одной только мысли, что ей придется засыпать без снотворного, и это навсегда врезалось ей в память.

Она вынырнула из бог знает какого по счету сна, не имея даже отдаленного представления о времени, но все-таки решила встать, встряхнуться, одеться наконец и подняться к себе, чтобы выяснить, готова ли она вернуться в свою собственную жизнь, в то состояние, в котором пребывала раньше.

Проходя через кухню, чтобы попасть на черную лестницу, она увидела записку, придавленную бутылкой с янтарной жидкостью.

Разогрейте в кастрюльке, но не кипятите. Всыпьте лапшу и варите 4 минуты, слегка помешивая.

Почерк был не Филибера.

Замок с двери был сорван, и все, чем она владела, все, что любила, – все ее крошечное королевство было разорено.

Она мгновенно ринулась к маленькому красному чемоданчику, валявшемуся на полу. Нет, слава богу, они ничего не взяли, ее папки с рисунками на месте...

Скривив от отчаяния губы, едва справляясь с сердцебиением, она принялась наводить порядок, чтобы выяснить, чего не хватает.

Все было на месте. Естественно – ведь у нее ничего не было! Разве что радиобудильник... Так-то вот... Весь этот разгром из-за безделушки, которую она купила за пятьдесят монет в лавке у китайца...

Она собрала одежду в коробку, взяла чемодан и вышла не оборачиваясь. Дыхание она перевела только на лестнице.

Подойдя к дверям, она высморкалась, бросила весь свой скарб на площадку и уселась на ступеньку, чтобы свернуть себе сигарету. Первую за долгое время... Свет погас, но в этом не было ничего страшного, напротив.

«*Напротив*, – шептала она, – *напротив...*»

Она размышляла об этой туманной теории, согласно которой не стоит дергаться, если тонешь, а нужно дождаться дна, чтобы оттолкнуться от него пяткой, ибо только так можно спастись и выбраться на поверхность...

Ладно.

Кажется, так и случилось?

Она бросила взгляд на свою коробку, провела рукой по угловатому лицу и отодвинулась, пропуская мерзкую тварь, мчавшуюся по стене, между двумя трещинами.

Ну так... Успокойте меня... Все так и случилось?

Когда она вошла в кухню, теперь уже вздрогнул он.

– Ох! Вы здесь? Я думал, вы спите...

– Добрый день.

– Франк Лестафье.

– Камилла.

– Вы... вы нашли мою записку?

– Да, но я...

– Вы переносите вещи? Помощь нужна?

– Нет, я... По правде говоря, это все, что у меня есть... Меня ограбили.

– Какое свинство.

– Да уж... Точнее не скажешь... Ну вот, а теперь я, пожалуй, снова лягу в постель – у меня кружится голова и...

– Хотите, я приготовлю вам консоме?

– Что-что?

– Консоме.

– Я не понимаю...

– Да бульон же! – раздражился он.

– Ох, простите... Нет. Спасибо. Сначала я немного посплю...

– Эй! – крикнул он ей в спину, когда она была уже в коридоре. – Голова у вас кружится от голода!

Она вздохнула. Будь дипломатичной, подруга... У этого парня такой учтивый вид, что испортить сцену знакомства будет крайне глупо. Она вернулась в кухню и села у края стола.

– Вы правы.

Он забормотал себе под нос. *Ну еще бы... Конечно, он прав... Ну вот... Теперь он опоздает...*

Он повернулся к ней спиной и занялся делом.

Вылив содержимое кастрюльки в глубокую тарелку, он достал из холодильника какую-то зелень, бережно завернутую в кусок бумажного полотенца, и благоговейно посыпал дымящийся суп.

– Что это?

– Кориандр.

– А как вы называете эту лапшичку?

– Японский жемчуг.
– Правда? Красиво...
Он подхватил куртку, хлопнул входной дверью и вышел, качая головой:
– *Правда? Красиво...*
Нет, эта девка – полная идиотка.

3

Камилла вздохнула и машинально взялась за тарелку, размышляя о вломившемся к ней воре. Кто это сделал? Тот призрак, что живет с ней по соседству? Заблудившийся гость? Может, он проник через крышу? Вернется ли он? Должна ли она сказать о случившемся Пьеру?

Запах – нет, аромат – этого бульона помешал ей дальше предаваться печальным мыслям. М-мм, это было просто восхитительно, ей даже захотелось накинуть на голову полотенце и вдыхать душистый пар, как при ингаляции. Что он туда положил? Цвет какой-то особенный. Теплый, жирный, красновато-коричневый с золотистым отливом, как кадмий... Прозрачные жемчужинки, изумрудные капельки измельченной травки... Изумительное зрелище! Несколько секунд она почтительно созерцала тарелку, держа ложку на весу, потом осторожно сделала первый глоток – суп был очень горячим.

Разве что в детстве она испытывала такое, пребывая в состоянии, которое Марсель Пруст определял как «погружение в себя, в то необычное, что в ней происходит», она доела суп с почти религиозным благоговением, закрывая глаза после каждой проглоченной ложки.

Возможно, все дело было в том, что она, сама того не зная, умирала от голода, или же в том, что вот уже три дня она, борясь с отвращением, пыталась заталкивать в себя супы из пакетиков, которыми кормил ее Филибер, или в том, что она теперь гораздо меньше курила, но факт оставался фактом: впервые в жизни она так наслаждалась едой в одиночестве. Она встала, чтобы взглянуть, не осталось ли супа в кастрюльке. Увы... Она поднесла тарелку к губам и выпила все, до последней капельки, поцокала языком, вымыла ложку, взяла открытый пакет лапши и написала на нем «Супер!», а потом растянулась на кровати, положив руку на отяжелевший живот.

Спасибо, маленький Иисус.

4

Она очень быстро шла на поправку. Франка она совсем не видела, но всегда точно знала, когда он был дома: хлопали двери, включался музыкальный центр, телевизор, доносились оживленные разговоры по телефону, раскатистый смех и отрывистые ругательства – и все это было совершенно ненатурально, она чувствовала. Он суетился, «озвучивая» свою жизнь во всех углах квартиры, как пес, который задирает лапу через каждые два метра, чтобы пометить «свою» территорию. Сколько раз ее подмывало вернуться к себе и вновь обрести независимость, чтобы больше никому ничем не быть обязанной. Но бывало и так, что ее передергивало при одной только мысли о том, чтобы снова лечь спать на полу и карабкаться на восьмой этаж, цепляясь за перила, чтобы не упасть.

Как все сложно...

Она теперь не знала, где ее истинное место, и к тому же действительно привязалась к Филиберу... Чего ради ей заниматься самобичеванием и бить себя в грудь, скрипя зубами? Ради независимости? Тоже мне, достояние... Она много лет молилась на это слово – и чего

добилась? К чему пришла? Живет в полуразрушенной хибаре и проводит время в размышлениях о своей несчастной судьбе, не выпуская изо рта сигарету! Как трогательно... Она и сама до невозможности трогательная... Ей скоро двадцать семь, а она ничего не накопила про запас. Ни друзей, ни воспоминаний, похвастаться было нечем. Как это случилось? Почему она так и не сумела вцепиться мертвой хваткой и удержать при себе то, чем действительно могла бы дорожить? Ну почему?

Она пребывала в раздумьях. Чувствовала себя отдохнувшей. А когда этот высоченный уистити¹⁶ приходил почитать ей, когда он тихонько прикрывал дверь, возводя очи горе из-за того, что их сосед-бандит слушал свою «зулусскую» музыку, она улыбалась в ответ и на мгновение вырывалась из цепких объятий урагана...

Она снова начала рисовать.

Просто так.

Безо всякой цели и причины. Для самой себя. Для собственного удовольствия.

Она взяла новый блокнот – последний – и «приручила» его, запечатлевая все, что ее окружало: камин, узор обоев, шпингалет окна, глуповатые улыбки Сэмми и Скубиду¹⁷, рамочки, картины, камею, принадлежавшую даме былых времен, и строгий сюртук господина из той же эпохи. Натюрморт из собственной одежды с пряжкой валяющегося на полу ремня, облака, след, оставленный в небе самолетом, вершины деревьев за чугунным кружевом балконного ограждения и автопортрет в кровати.

---

¹⁶ Странный тип.

¹⁷ Игрушечные человечки из цветной проволоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.